

ЛАНА КАМПИТСКАЯ

РУСАЛОЧКА

Лана Каминская

Русалочка

<https://litres.ru/74213577>

Аннотация

Говорят, что когда на море шторм, на морской глубине – тихо. А ещё говорят, что на скалистых выступах, выстроившихся в ряд у берегов одного из островов, в час, когда солнце бросает на воду свои последние лучи, можно увидеть русалку. Многие пытались узнать, о чём она мечтает, сидя на камнях и поднимая хвостом солёные брызги. Находились и смельчаки, что подплывали близко и пробовали заговорить. Вот только назад никто не вернулся. Возможно, их волной утащило на дно. У тех скал течение очень опасное...

✿# История Гранта Хиггинса А если вы хотите приключений с пиратами и сокровищами, то вам сюда:

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Губернатор Апарских островов	9
Глава 2. Слепая	20
Глава 3. Что принесли сети	37
Глава 4. Такая опасная вода	55
Глава 5. Лодка качается – раз	80
Глава 6. Три сестры	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Пролог

– Скорей, Сид! Поднажми! Волна усиливается!

Долговязый мальчонка лет десяти, закусив до боли губу, из последних сил налегал на весла. Ему помогал пожилой мужчина с короткой седой бородой. Его загорелое лицо было худым и вытянутым, а под глазами скопилось столько морщин, что одного взгляда на них достаточно, чтобы понять, что больше половины жизни мужчина провёл на воде, щурясь от палящего солнца.

Латаная сотни раз лодка была наполнена рыбой, которая в мгновение ока отправилась на дно: будучи опустошенной, ветхая посуда пошла быстрее. Подгоняемая ледяным ветром, она прыгала по волнам в направлении берега, до которого оставалось немного.

Когда весла уперлись краями в каменистое дно, мужчина прыгнул в воду и приказал то же самое сделать мальчишке. Оба, они принялись вытаскивать лодку из воды. Справившись, потащили по берегу как можно дальше от линии моря, чтобы волны, накатывавшие с присущей им свирепой силой, не слизнули её в один присест с гладких камней и не унесли в море или разбили в щепки. Оба моряка – юный и пожилой – действовали слаженно, хотя пацанёнок нет-нет да и оглядывался назад и скользил взглядом по утопающим в белой

пене скалам, чьи острые носы высывались из воды.

Когда оба рыбака закрепили и проверили узлы, то выпрямились и облегченно выдохнули. Завязанная под подбородком мужчины шляпа не устояла под напором ветра и слетела с головы. Кувыркаясь, понеслась по берегу. Догнать её было невозможно.

Смирившись с потерей, мужчина махнул мальчишке рукой.

– Поторопимся!

Пацан, однако, стоял как вкопанный и пялился куда-то на горизонт.

– Сид! – окрикнул мальчонку мужчина. – Ты чего застыл?

Малец вздрогнул, обернулся и, наконец, сдвинулся с места.

– Что там увидел? – поинтересовался мужчина, прихватив из лодки сети. – Чудище, что ль, морское?

Мальчонка с трудом разжал посиневшие губы.

– Чудища разве существуют?

– Каждый моряк знает пару легенд...

– Но то легенды, а наяву?

– Я ни разу ни одного не видел. Зато с акулой встречался. Хвала богам, выжил.

– Как выглядит акулий хвост, я знаю, и то был не он.

Мужчина настороженно посмотрел на пацана.

– Ты о чём?

Мальчишка принялся сбивчиво объяснять:

– Рыба... Огромная рыба... проплывала мимо нас. Я видел хвост. И чешуя на той рыбе была такая зелёная и блестящая... Неужели, ты ничего не заметил?

Мужчина задумчиво поскреб подбородок.

– Тебе, верно, показалось. Вон какое светопреставление творится. Вода так и кипит. Тут не только хвост – тут щупальца Кракена почудятся.

Пацанёнок закивал.

– Мне в тот момент и правда страшно стало.

Мужчина улыбнулся и притянул к себе юнца.

– Ты замёрз. Пойдем-ка скорей в дом. Мать, поди, уже и пирог готовит. Если поторопимся – отхватишь кусок прямо из печи. Согреешься.

Сид не возражал. Ещё бы! Пирога и горячего травяного чая, на который дуешь дольше, чем пьешь, хотелось невыразимо сильно. И чего только они с отцом потащились в море? Знали же, что к вечеру обязательно поднимется волна! Как того и следовало ожидать, промокли насквозь и улова лишились. Хорошо ещё, что лодку не угробили да сами в живых остались.

Штормовое море – зрелище не для слабонервных. Разбивающиеся о берег волны пугают. Пятясь обратно на глубину, гремят галькой, словно та – сокровище, которое следует утащить с собой. А затем снова рёв, внушающий благоговейный трепет всем, у кого хватает смелости находиться рядом, любясь бушующей стихией, от которой пробирает до дрожи.

Отец и сын спешили домой. Туда, где тепло и сухо, и пахнет печеным хлебом и жареной рыбой. Туда, где можно будет, набив пузо, закутаться в тёплой кафтан, выменянный прошлым летом на два ведра раковин, и, завалившись в угол, вытянув ноги, задремать. Глядишь, может, в ночь и дождь пойдёт. А в дождь дремлетя особенно сладко...

– Смотри! – Сид дёрнул отца за рукав драной рубахи. – В той стороне что-то чернеет.

Мужчина остановился и, прищурившись, взгляделся вдаль.

– Не вижу ничего, – промычал он.

– Как же? Такое чёрное пятно на камнях.

– Теперь, кажется, вижу. словно огромный ком водорослей распластался по берегу.

– Или огромную рыбу выбросило волной.

– Какая ж то должна была быть волна, чтоб от такой туши море избавить?

– А вот мы сейчас и посмотрим!

Мальчонка подался вперед.

– Эй, Сид! Постой! – только и окрикнул моряк сына, но было уже поздно. Пацаненок резво рванул в сторону расплывшейся чернильной кляксы туши.

Пронизывающий ветер, холодный и сырой, пробирал до костей. Гуляя по берегу, он выл и свистел, и бросал в лица рыбаков солёные капли. Губы синели от того холода, каким ветер окутал все вокруг, но по-настоящему кровь в жилах

стыла совсем от другого: выброшенным на берег комом оказалась вовсе не гигантская рыба, покрытая серой чешуей, а человек. Совсем ещё молодой мужчина. Одежда на нём была порвана и опутана водорослями. А в месте, где полагалось быть сердцу, зияла дыра...

Глава 1. Губернатор Апарских островов

Всё утро шёл дождь, и море было такое тихое, что казалось, вода застыла на месте. Стоял полный штиль, а вместе с ним – такая тишина, что впору было вздрагивать от любого шороха.

Низкое небо было серо и своим цветом сливалось с цветом моря, стирая линию горизонта.

Вокруг царила сплошная тоска: не кричали чайки, не веселились на набережной моряки, не зазывали к себе торговцы и не гремели колесами по мостовой повозки, что обыкновенно проезжали по главной улице, в самом начале которой стоял красивый дом на три этажа, с широкой верандой и карликовыми оливковыми деревьями в кадках у входа. Одними окнами дом выходил в сад, другими – на пристань. Обычно на время непогоды все окна в доме были закрыты, однако этим утром одно из них было распахнуто, и моряки, что мокли под дождём, разгружая зашедшие в порт корабли или обматывая канаты вокруг тумб*, могли наблюдать в окне силуэт молодого человека.

Юноша был высокого роста, и его осанка, как и накинутый на плечи камзол глубокого синего цвета, выдавали в нём

человека благородного и высокопоставленного. Шею юноши украшал белоснежный платок, повязанный не туго, а немного небрежно, в том самом стиле, в каком это делала светская молодёжь в столице и крупных городах. Светлые, слегка выующиеся волосы, были красиво уложены, а лицом молодой человек был бледен и задумчив. Его зелёные глаза были полны неподдельной грусти, и внимательный наблюдатель мог легко понять, что та тоска была давней и тихой, и юноша давно с ней свыкся, не прогонял её и не бесился, а просто жил, принимая явность как само собой разумеющееся.

Взгляд молодого господина был устремлен на море. Непонятно было, что он там высматривал. Однако стоял, не двигаясь, скрестив руки за спиной, и не сводил взгляда с напроочь стертого горизонта, как обыкновенно делает заждавшаяся своего рыбака морячка.

Негромкое покашливание заставило юношу вздрогнуть и отвести взгляд. Разомкнув руки и медленно обернувшись, молодой человек сменил выражение лица с задумчивого на сосредоточенное.

– Ты слушаешь меня или о своём думаешь? – услышал он.

Его собеседник сидел в кресле, неподалеку от больших напольных часов и чайного столика. К креслу была приставлена трость с круглым набалдашником, на котором золотом было выгравировано имя владельца: «Александр Хиггинс». Чайный столик тоже не пустовал: добрую его половину занимал серебряный поднос с фарфоровым чайником и двумя

чашками. Одна из чашек была пуста, из другой же приятно пахло ромашкой.

– Чувствую себя не очень, – пробормотал юноша. – Ночная качка утомила.

Отойдя от окна, приблизился к письменному столу, где кроме пера и чернильницы ещё лежала стопка бумаги, а также свернутая в трубочку карта, и провёл по столешнице пальцем. Та была идеально отполирована и без единой пылинки – прислуга, готовившая дом к приезду нового губернатора, была несомненно достойна похвалы.

Сидевший в кресле мужчина кивнул.

– В шторм попали приличный. Всю волну собрали. Зато сейчас тишь да гладь – хоть бы какая рябь пошла.

– С везением у меня всегда было туго, – с грустью усмехнулся юноша и присел на краешек стола.

Его собеседник поморщился.

– Перестань. Дело вовсе не в везении и не в разных там амулетах и заговорах. В них верит лишь неграмотная матросня. Просто в этих местах климат такой. Каждый год, ровно в этот месяц море волнуется и кипит. Так сильно, что весь берег в пене. А утром – тишина, словно ничего и не было. Но к ночи должно опять разгуляться.

– Поэтому ты так торопишься отплыть?

– Хочу дожидаться первого порыва ветра и сняться с якоря. Если поторопимся, то обгоним бурю, и мой путь домой будет спокойным.

– Мать, наверно, заждалась.

– А это вторая причина, почему я спешу. И так задержался дольше обещанного. Придется выслушать утомительное ворчание, – Александр улыбнулся, – но я не мог бросить тебя одного.

Щеки юноши едва заметно порозовели.

– Благодарю.

– В Вольном заливе у тебя отлично получилось навести порядок! Но сейчас ты больше нужен здесь, чем там. Ты слышишь меня, Грант?

Молодой человек снова вздрогнул. В который раз за утро он задумался о своём, и в этих мыслях он уносился так далеко, что был не в состоянии ничего слышать и видеть вокруг.

– Прости... – пробормотал юноша. – Ты не мог бы повторить?

Александр вздохнул.

– Опять витаешь в облаках. Последнее время что-то часто.

– Это всё качка... Стоит подняться на борт любого корабля, так потом отхожу несколько дней.

– Лекарства у тебя достаточно?

– Да, хотя порой возникает ощущение, что чем больше его принимаю, тем меньше эффект. Две недели назад начало воротить даже от запаха водорослей. Хорошо, хоть в этих местах ими не завален берег.

– И всё же не забывай принимать его каждый раз, когда

отправляешься в море. И распорядись, чтобы местный аптекарь приготовил запас.

– Да, отец.

– Пойми, я бы и рад был оставить тебя в Вольном заливе или даже в Белой бухте, но обстоятельства настолько странные, что я могу доверять только близкому мне человеку.

– Можно подробности?

– Конечно. Вот только налью себе ещё чаю.

Александр Хиггинс потянулся к фарфоровому чайнику. Чай в нём ещё не остыл, и очень быстро аромат ромашки распространился по всей комнате. Перед глазами предстали широкие луга, все в клевере и васильках, и пахло от них медом. Но то были лишь фантазии, и стоило аромату ромашки рассеяться, как в воздухе опять воцарились запахи сырости и рыбьих потрохов.

– Непогода на Апарских островах – дело привычное, – Александр сделал глоток. – Особенно в это время года. Отсюда и гибель рыбаков в море. Хочешь не хочешь – семью кормить надо, а когда штормит три недели, то выйдешь в лодке уже в любую волну, лишь бы рыбёха в сети попалась. Но в этот раз творится что-то неладное...

– В этот раз волна никого не берёт? – хмыкнул Грант и переставил чернильницу с левого края на правый.

Его собеседник сделал ещё один глоток из чашки.

– Можно и так сказать. Пятерых выбросила на берег.

– И ты как самый преданный советник его величества

вдруг обеспокоился простыми погибшими рыбаками?

– Двое из утопленников были офицерами королевского флота, а третьим – сам губернатор, место которого теперь занимаешь ты.

Грант вскинул голову.

– Ты же говорил, что он скончался от сердечного приступа!

Третий глоток, четвёртый – рука Хиггинса-старшего опять потянулась за чайником, и у Гранта снова защекотало в носу от воспоминаний о летнем луге.

– Такова официальная легенда, которую велено рассказывать, чтобы не сеять панику. Кое в чём она не далека от правды.

– У губернатора и правда была болезнь сердца?

Александр внимательно посмотрел на сына и произнёс слова, от которых кровь стыла в жилах:

– Когда его обнаружили, у него не было сердца. Оно было вырвано из груди. Не вырезано ножом, а именно выдрано чьей-то рукой или, не побоюсь этого слова, лапой. Найденных офицеров и рыбаков постигла та же участь.

Грант взъерошил на голове волосы.

– Чертовщина какая-то.

– Его величество велел разобраться с этим делом как можно быстрее, поэтому мне и пришлось выдернуть тебя из залива. Многого от тебя сейчас не требую. Попробуй поговорить с местными, выяснить, с кем губернатор был дружен и

чем был увлечен в последнее время. Узнай о его интересах и о том, что могло связывать его с моряками, погибшими столь же ужасно. Ты будешь вести дела на суше – на воде тебе будет помогать капитан Редрут. Недели через полторы к вам присоединится Эдгар, и тогда ты уже сам решишь, оставаться тебе на Апарских островах или возвращаться домой.

Грант обернулся и зачем-то взял в руки перо. Писать никому не собирался, но задумчиво посмотрел на заостренный конец, на котором остался след от чернил. Возможно, вспомнил, что перед отплытием из Вольного залива забыл завершить какой-то документ... или письмо.

Прошло минуты две, когда Грант наконец протянул:

– Эдгар, значит... Не видел его, наверно, полгода. Впрочем, тебя не видел столько же. Как он?

– Тоже вижусь с ним редко. В Белой бухте ты появляешься чаще, чем он. – Александр натянуто улыбнулся. – Но до отъезда в Вольный залив я встретился с ним и рассказал об этом запутанном деле.

– И он, конечно же, согласился помочь.

– Да, но только сейчас он в Нерсесе.

Грант напрягся, однако Александр не заметил перемены в сыне. Он продолжал пить чай и смотрел на дно своей чашки... Или же просто вынужден был так делать, чтобы не ставить сына в неудобное положение. Но Грант не думал молчать.

– Что-то не так с Эммой? – выпалил он.

Хиггинс-старший поставил чашку на стол.

– Не знаю, в курсе ли ты, но она ждёт ребенка. Должна вот-вот разрешиться от бремени, и Эдгар решил быть рядом. Как только убедится, что с Эммой и ребенком всё в порядке, оставит их под присмотром баронов фон Стерлс и кучи нянек и примчится сюда. Полагаю, это дело дней десяти максимум.

Грант отчего-то вздохнул.

– Что ж, решение правильно, – ответил он. – Обещаю, что сделаю всё, что в моих силах, отец. Кто знает, может, Эдгару даже не придется брать сюда курс.

Александр взял трость и поднялся. Подошел к Гранту, присел рядом на краешек стола и похлопал сына по плечу.

– Вот это правильные слова, мой мальчик. Горжусь тобой.

Они ещё с полчаса сидели так, негромко беседуя и слушая шум дождя за окном, а потом в комнату заглянула прислуга. Доложила, что пришло несколько человек. Один принёс саквояж с личными вещами Гранта, двое других – чтобы помочь Александру Хиггинсу вернуться на ожидающий его корабль. Настало время расставания, и оба – отец и сын – крепко обнялись.

Объёмный кожаный саквояж был оставлен в кресле у чайного столика. Того самого, на котором стоял остывший чай. Прислуга уже почти перешагнула порог, как Грант окликнул её и попросил заварить новый. Средних лет женщина ответила улыбкой и поинтересовалась, отвары из каких трав но-

вый хозяин предпочитает, а из каких – недолюбливает.

Оставшись один, Грант щелкнул замком саквояжа. Тот был полон чистой одежды, но на самом дне лежало несколько книг. Среди них были и переплетённые меж собой записи, которые Грант делал в Вольном заливе. Накопившееся весило прилично, и, вытащив одну из рукописей, юноша бережно провёл по медным застёжкам. Поддавшись пальцам хозяина, они легко разошлись, и Грант зашелестел страницами. Между двух таких, исписанных аккуратным и мелким почерком, лежал засушенный цветок. Это была фрезия, и пусть её аромат давно угас, Грант до сих пор помнил его свежесть и нежность.

В те дни, когда он подарил Эмме букетик этих весенних цветов, она была ещё в него влюблена. Смотрела только на него, и в её взгляде отчётливо читалось обожание. Тогда он и вообразить не мог, как всё закрутится и каким слабым он в итоге окажется. Эта фрезия была символом их невинной любви, и если раньше Эмма хранила её у себя как самое настоящее сокровище, то теперь настала очередь Гранта оберегать воспоминания.

Эмма вернула цветок, когда он, измученный качкой и капризной волной, внезапно для всех появился в замке баронов фон Стерлс. Увидев ту, чувства к которой никак не хотели угасать, он всё понял и принял, а затем путь лежал в Малграат, в то самое место, где частенько за кружечкой пива собирались вольные торговцы и бродяги. Эмма обрела своё

счастье с тем, кто не разочаровал её, – Гранту же достался цветок. И теперь он оберегал его, как мог, и всегда носил с собой.

Фрезия переключалась из книги на ладонь Хиггинса. Хорошо, что не было ветра. Один порыв – сухой цветок легко сдуло бы. Зажав фрезию в ладони, юноша снова подошел к распахнутому окну.

По морю пошла лёгкая рябь, а дождь по-прежнему лил, не переставая. По мостовой пробежал босой пацаненок. Он был весь мокрый и куда-то спешил. Когда исчез за поворотом, то на смену ему пришла сгорбленная нищенка. Одета во всё черное, она куда-то медленно ковыляла, опираясь на клюку.

Дождевые капли без умолку стучали по крышам, безмолвно тонули в море, а то их жадно глотало и хотело ещё и ещё, словно задыхалось от жажды. Любой другой человек сейчас застыл бы у окна и любовался стихией, вдыхая запах подсоленной свежести и слушая шум дождя и тиканье часов в углу. Любой, но не Грант. Он ненавидел море. Когда-то он потерял в нём не просто свою первую любовь, но и самого себя.

Море отвечало юному Хиггинсу схожим чувством. Крутило и выворачивало наизнанку, стоило Гранту ступить на борт любого из кораблей или просто сесть в лодку. Взаимная неприязнь с каждым днем усиливалась, и в этой войне Грант тоже чувствовал себя проигравшим...

– Горячий чай, – внезапно услышал он за своей спиной и обернулся. Застывшая на пороге с подносом в руках слу-

жанка смотрела на нового губернатора Апарских островов и не решалась войти.

Грант махнул рукой. Служанка прошуршала подолом платья, и до юного Хиггинса донесся звук посуды, расставляемой на столе.

– Добавила немного цедры апельсина, как вы и просили, – отчиталась женщина. – В такую погоду самое то. Поможет взбодриться.

Грант не возражал.

*тумба – столб у причала

Глава 2. Слепая

Капитан Тобиас Редрут оказался человеком приветливым и болтливым. Растолкав матросов, он первым протянул руку ступившему с деревянного трапа на палубу Гранту, а затем крепко придержал юного Хиггинса за локоть. После тут же представил новому губернатору своего старпома, расхвалил его, а также и всю команду, при этом зачем-то посетовав на непогоду. Сделал это вовремя: легкий ветерок перерос в мощный порыв и всколыхнул парус. Судно качнулось – Грант чуть не упал.

Дождь прекратился, и подгоняемые напористым ветром тучи заторопились на восток. На смену им, полным сырости и влаги, пришли тучи другие: насупленные, хмурые, холодные. То и дело поглядывающий на небо старпом сильно шурился, а затем вынес вердикт: большой волны не будет, но потрепать паруса и нервы придётся. Возражений насчет выхода в море не было, тем более идти собирались вдоль берега, и бриг плавно отошел от пристани.

Апарские острова были вытянуты с запада на восток и своей формой напоминали извивающуюся мурену, хоть и названы были не в честь неё. По словам капитана Редрута, с местного наречия название этих земель переводилось как «пенный», что в своём роде соответствовало действительно-

сти: во время любого шторма пеной берег заливало так, что лучше названия и не придумаешь! Сейчас волна была невысокой, тугое полотно не гудело на мачтах, натянутые тросы не пели струнно, а пенные гребешки не бились о борт, но наслаждения от морской прогулки Грант всё равно не испытывал. Как жаль, что частыми дождями размыло грунт! Так, сели бы в экипаж и через час-другой оказались в нужном месте. Не пришлось бы мучиться от качки и зажимать нос от запаха просмоленных досок.

– Ещё немного потерпеть, и появятся те самые скалистые выступы, ваша светлость! – Капитан Редрут подбадривал, как мог.

– Тела погибших офицеров были найдены там? – морщась от неприятных ощущений, проступивших в горле, спросил Хиггинс.

Тобиас кивнул.

– А тело губернатора обнаружили чуть дальше. Есть там у скал одна рыбацкая деревенька... Там его волной к берегу и прибило. Народ чуть с ума от страха не сошел.

– Даже так?

– Моряки – что с них взять? Этот народ верит в приметы и легенды. Если простой рыбак утопленника увидит да ещё и с вырванным из груди сердцем, то месяц в море выходить не будет. Боится.

– Вы тоже боитесь, капитан Редрут?

Тобиас развел руками.

– Я много лет на воде и многое повидал. И рыб гигантских, и волну с дом, но чтобы так уродовать человеческие тела... Скажу вам честно, ни одному морскому гаду такое не под силу.

– Уверены?

– Грудь разворочена, будто орудовали не зубами или руками, а лапами с острыми когтями. А у морских существ одни лишь жабры.

– А если всё же зубами?

– Если зубами? Тогда как объяснить, что у одного из утопленников выколот глаз? Не зубами же его выдавили.

Грант задумался, а затем выдал:

– Так может, у него его с рождения не было?

Шедший под флагами его величества и Апарских островов бриг летел по волнам, подгоняемый ветром. В какой-то момент Грант задрожал от холода, а когда понял, что уже не чувствует пальцев на руках, к нему снова подошел Тобиас Редрут и радостно доложил:

– Прибыли. Вон там та деревенька! – Капитан ткнул в нужную сторону подозрной трубой, которую держал в руке. – А вон там те самые скалы. Высовываются из воды, словно клыки у шакала из пасти. Острые, опасные, но чертовски красивые!

Подув на окоченевшие пальцы, Грант принял из рук капитана подозрную трубу и приложил к глазу. Ничего сверхъестественного не заметил. Камни, что торчали из моря, осла-

ды для глаз не представляли: будучи чёрными, как уголь, и блестящими, как рыба чешуя, они стояли безмолвно, и волны разбивались о них, обляпывая комьями морской пены.

Деревня тоже была самой обычной. Несколько ветхих, местами кривых домиков, из окон которых с любопытством выглядывали детишки, упрятанные под навесы латанные лодки, развешанные на воткнутой в землю палках рыбацкие сети – всё это Грант уже видел и в других нищенских поселениях, подобных этому. А то, что именно в этом месте выбросило тела мертвецов, так может, с течением так «повезло»?

Вернув капитану трубу, Грант спросил:

– Только пятеро погибло?

Тобиас Редрут ухмыльнулся себе в усы, не по моде пышные.

– Что вы, ваша светлость! В это время года что ни день, то утопленник. Просто бедняков никто не считает.

– А в другие месяцы как?

– В другие тихо. Море ласковое и на рыбу щедрое.

– С жителями деревни разговаривали? Среди них есть кто-то, кто вызвал бы подозрение?

– Допросили всех и не по одному разу. Даже детей.

– Что узнали?

– Что они удивлены не меньше нашего, а ещё сильно напуганы. Неученый грамоте народ легко верит во всё сверхъестественное. Даже ежегодному шторму дал объяснение.

– Естественно, не научное.

Капитан развел руками.

– А как же иначе? Эту легенду все местные знают. Покойный губернатор и тот не раз пересказывал её за рюмкой наливки-то! Помню, бывало, сидим в таверне, а на улице ливень стоит: вытяни руку – пальцев не разглядишь! Так вот, сидим мы, телятину кушаем... В сырой-то день телятина хорошо идет, особенно если с брусничным соусом! И кто-нибудь обязательно про эту легенду вспомнит. И тут начинается: кто-то верит, кто-то смеется.

– А вы? Вы верите?

– Я? – Капитан провёл рукой по лбу. – Я – бывалый моряк, ваша светлость. Я обучался географии и судоходству, и всякие байки вызывают у меня ухмылку. Однако по себе знаю, что вот окажешься так в самом сердце шторма, почувствуешь, как зубастая волна норовит заглотить твой корабль, и от безысходности согласишься во что угодно и начнешь молиться кому угодно, лишь бы стихия смиростивилась и успокоилась.

Грант обхватил руками плечи и потер их.

– Замерзли? – с заботой в голосе поинтересовался капитан.

Но Грант лишь мотнул головой. Ему вспомнился Восьмизубый хребет, и после пережитого он был готов верить всем рассказам подряд.

– А мне легенду расскажете? – сквозь делано небрежную улыбку спросил Хиггинс.

Тобиас Редрут посветлел лицом.

– Здесь? Или пройдем в кают-компанию?

Лучшего места для беседы Грант и не мог себе желать.

В кают-компании капитана Редрута было тесно и воняло мышами. Между шкафов и сундуков с трудом удавалось протиснуться, и, чтобы сесть за круглый стол, Гранту пришлось перешагнуть через два больших деревянных ящика, наглухо заколоченных. Что в них хранилось, было известно лишь капитану – Гранту же никак не удалось рассмотреть. Но отсутствие даже минимального уюта не напугало юношу: в любых четырех стенах Хиггинсу дышалось лучше, чем на открытой палубе. Принятое лекарство помогло справиться со слабостью, но вот избавиться от неприятного соленого привкуса на губах оно было не в силах.

Кроме двух стульев, крепко сколоченных и тяжелых, в каюте имелось кресло. Василькового цвета бархат, которым обили сидение и спинку, был местами потерт, но даже это не мешало креслу оставаться самым роскошным предметом интерьера среди прочей откровенной белиберды. Его-то и предложил новому губернатору Тобиас Редрут.

– В такую погоду я всегда прошу подогреть на камбузе немного вина. – Капитан потёр руки в надежде их согреть. – Мой кок подсмотрел где-то преинтереснейший рецепт и теперь всегда добавляет в красное сухое щепоть гвоздики, корицу и цедру лимона. Приятный вкус получается. Не желае-

те попробовать?

Грант тут же прикинул в уме, во сколько такой напиток мог обойтись Редруту: гвоздика и прочие пряности нынче были дороги, а в том напитке их целый букет! Но разогнать кровь не мешало, а тут ещё и выпала возможность вкусным напитком перебить ужасный привкус моря... И Грант кивнул, одобряя предложение капитана.

— Вы собирались поведать мне какую-то легенду, — напомнил юноша, когда сделал первый глоток. Горячее вино обожгло язык.

— Она из ряда тех сказок, которым уже тысяча лет.

— Все легенды такие.

— А эта ещё и про морского бога, и земную девушку.

— Тогда вдвойне любопытно.

— Видели ночью, какой шторм на море творился?

— Не только видел, но и думал, что до берега не доберемся.

— Местные моряки считают, что это гневается морской владыка. И злится он не на нас, земляных червей, а на самого себя.

— Стало быть, негодует он, а страдаем мы?

— Так точно, ваша светлость. Существует поверье, что давным-давно морской бог полюбил земную девушку. Она ответила ему взаимностью. Но разве могут бог и человек быть вместе? Их любовь длилась один лунный месяц, а потом бог вспомнил, кто он есть такой, и одумался, а девушке оставалось лишь рыдать на берегу моря. Кто-то считает, что от от-

чаяния она сбросилась со скалы, кто-то – что нашла достойного человека и смогла забыть свою неземную любовь. Вот только бог не забыл. Поэтому ровно один лунный месяц в году он ненавидит себя и мир вокруг за страсть, что обуяла его, но больше всего – за выбор, который ему пришлось сделать. Он презирает себя за слабость, за то, что не сделал ничего, чтобы быть с любимой! Ну, а мы наблюдаем его ярость и мучаемся вместе с ним.

– Какое необычное объяснение обычным земным процессам.

– Его не было бы, штормы в этих краях море и в другое время.

– Так с началом нового лунного месяца всё затихнет?

– Именно. Сегодня девятнадцатый лунный день. Осталось потерпеть ещё полторы недели. Как только старая луна уступит место новой, вздохнем спокойно.

– Лунный месяц, морской бог... И это говорит капитан королевского флота?

Тобиас Редрут развел руками.

– Не забывайте, что я, прежде всего, моряк. Ваш старший брат и отец, кстати, тоже. Хотя мы и обучены естественным наукам, порой нас так и посещает мысль, что коль снимешь с груди амулет, зажмешь его в кулаке, поднесешь к губам и прошепчешь сквозь пальцы заветные слова, то несчастье обойдет тебя стороной, и ты доберешься до берега живым и невредимым.

Грант посерел лицом. В памяти яркими красками всколыхнулись события на Восьмизубом хребте. Однако сколь бы ужасны они ни были, по прошествии почти полутора лет настоящим кошмаром виделась лишь та самая ночь, когда он и пальцем не шелохнул, чтобы спасти любимую...

Грант поставил пустую кружку на стол.

– Я не моряк, – ответил он, – и мне сложно перенести сказку на реалии жизни, но если, по вашим словам, непогоду осталось терпеть дней десять, то вечером я отдам приказ о запрете любого выхода в море с завтрашнего утра и вплоть до первой луны. Раздадим народу зерно, что было припасено в амбаре у покойного губернатора. Это позволит людям продержаться. Торговцев, что поделятся с нуждающимися фруктами, сыром и мясом, на время освободим от сборов в казну. Сами же сосредоточимся на поимке того, чьи действия не вызывают никакого сострадания.

Капитан встрепнулся.

– На поимке?

– У меня есть подозрение, что некто ловко использует непогоду, чтобы скрыть свои преступления. Убивает на берегу, а затем выходит в море и скидывает тела в воду. Объяснить исчезновение человека легко: вышел в шторм в высокую волну и погиб. А дальше остаётся надеяться, что акулы раздерут выпотрошенное тело быстрее, чем море решит от него избавиться.

– Видимо, акулы крепко спят, раз мы обнаружили пята-

рых...

– Мы не знаем, сколько всего пропало. Если пять-десять человек, то это одно. А если несколько десятков?

И Грант вопросительно посмотрел на капитана, от чего тому почему-то стало неловко, и он поспешил фыркнуть теплым вином обратно в кружку. Вышло смешно. Заодно усы испачкал.

Решение ограничить выход в море капитан Редрут одобрил, но только мелким и средним суденышкам. Для крупных же выпросил послабления и клятвенно заверил Хиггинса, что все необходимые меры безопасности будут соблюдаться.

Затем с камбуза принесли ещё вина, и разговор перетек в другое русло. Гранта интересовал остров и местный уклад жизни, Тобиаса Редрута – светские новости и сплетни. Несмотря на высокий чин и пышные усы, капитан был не стар и пребывал в том самом соку, какой особенно почитают чванливые мадам, раздумывая за кого бы из оставшихся холостяков выдать свою подрастающую дочь. Узнав, что новый губернатор вот уже полтора года как не бывал в столице, Тобиас удивлённо крикнул, почесал затылок, а затем ляпнул:

– А наш вот каждые три месяца туда ездил.

– Зачем? – скучающим тоном спросил Грант.

– Как же! А девицы?!

– Девицы?

– Те, что плещут на балах! Ой! – Капитан помотал головой. – То рыба, конечно, плещется, а девицы...

– Блещут, – подсказал Грант. – На этих балах так скучно.

Тобиас смотрел на Хиггинса как на больного. Новый губернатор поспешил объясниться:

– На эти приёмы ходят лишь с одной целью – найти себе пару. А я никого искать не хочу. Мне лучше так... одному.

– То есть ваше сердце никем не занято? – осторожно поинтересовался капитан.

Грант помотал головой.

– Никем, – соврал он.

Тобиас хлопнул ладонью по столу.

– Тогда я представлю вам свою племянницу! – решительно произнёс он.

Грант тихо простонал.

– Ей правда нет ещё семнадцати, – размышлял себе в усы капитан, – но это не мешает всем нам встретиться за ужином! Мой брат намеревался сосватать Миранду за покойного губернатора. Теперь из-за несчастья, что с ним приключилось, боится, что бедняжка засидится в девках.

– Вывезите девицу в Бланес. Там она быстро найдет достойного кавалера.

– Зачем? – моргнул Тобиас. – У нас уже есть достойный! Это вы!

И капитан одарил Гранта крепким рукопожатием.

– Насчет приданого не беспокойтесь. Брат дает за ней больше половины своего состояния. А он, знаете ли, винодел! Дела у него идут хорошо, а с таким зятем, как вы, пой-

дут ещё лучше!

Грант уже почти кипел от неловкого разговора, который никак не кончался. Однако, будучи человеком новым, не решился обрубить неприятную беседу, поэтому, когда в каюту заглянул старпом и объявил о возвращении в порт, радости Хиггинса не было предела. Тобиас Редрут заторопился наверх, на палубу, и Гранта, наконец, оставил в покое.

К пристани причалили вовремя: ветер на море разгулялся не на шутку. Вновь поднялась волна и принялась ломать и крушить всё на своём пути. К ненастью присоединился дождь, колкий и мелкий.

Грант сошел на пристань на ватных ногах. Сопровождавшие Хиггинса офицеры заранее позаботились об экипаже для губернатора, и всё, что Гранту нужно было сделать, – это несколько шагов в сторону. Однако юношу нагнал капитан Редрут и предложил заглянуть в таверну, что располагалась прямо напротив пирса. Капитан клялся, что в том месте подавали лучший на свете суп из акульих плавников, и как бы Грант ни отнекивался, капитан Редрут ничего не хотел слышать. А когда Хиггинс заикнулся о том, что недолюбливает рыбу, Тобиас уверенно сообщил, что мясо в том заведении тоже найдётся.

Развернув над своей головой и головой нового губернатора плащ, капитан Редрут заторопился в направлении таверны. Грант старался не отставать. Оба прошли не более десяти ярдов, как чуть не налетели на женщину, откуда ни возьмись

выросшую у них на пути. Своим видом женщина напоминала одну из скал, какие Грант видел в море: такая же тощая, черная и безнадежно одинокая. Та, кого бояться, обходят стороной и предпочтут стереть с лица земли, нежели понять.

– Куда прешь?! – чертыхнулся капитан Редрут.

Охваченная испугом нищенка замерла на месте. Вытянула вперед руки, словно пыталась нащупать что-то, но поймала лишь воздух.

– Вот же старая, – продолжал ругаться Тобиас. – Встала на пути и не даёт пройти. А ну...

Капитан уже было замахнулся на женщину, но Грант перехватил его руку.

– Она просто слепая. Ничего не видит, вот и столкнулась с нами, – произнёс он и нагнулся.

У его ног лежала деревянная палка. Один из её концов был загнут.

– Видимо, это ваше, – сказал Хиггинс и вложил клюку в руки старухи.

Неожиданно женщина вцепилась костлявыми пальцами в рукав камзола юноши.

– Милый господин, – прокаркала она, – не найдется ли у тебя краюхи хлеба? Три дня во рту ни крошки не было.

– Хлеба? – растерянно пробормотал Грант, чувствуя, как трещит по швам ткань дорогих одежд. И не скажешь, что нищенка голодала несколько суток: её движения были столь ловки и сильны, что позавидовал бы любой мужчина.

– Чего прилипла к его светлости? – Капитан Редрут в очередной раз пошел на abordаж. – Кыш!

– Погодите, Тобиас, – остановил маневр капитана Грант. – Уверен, если поможем этой женщине, то распрощаемся с ней в разы быстрее. Вот. Держи.

Грант нырнул свободной от тисков рукой в мешочек на поясе, выудил из него три монеты и протянул слепой. Та тут же отстала от Хиггинса и, схватив монеты, принялась проверять их на зуб.

– Вы дали оборванке серебро! – ахнул капитан, когда вместе с Грантом оказался у входа в таверну.

Хиггинс равнодушно пожал плечами.

– Ничего другого не было.

– Но ей хватило бы и одной! Зачем сразу три?

– Подумал, что так она сможет не голодать месяц.

– А вы не подумали, что уже сегодня её ограбят? Она же ничего не видит! Какой-нибудь здоровяк, который был свидетелем вашей щедрости, ткнет старуху её же клюкой по голове – и всего делов.

– Но как иначе можно было помочь?

– Как? – Капитан Редрут вломился в душную харчевню и провёл рукой по лицу, смахивая с него влагу. – Да попросить у хозяйки чего из объедков и снести той побирушке. Такое подношение всяко полезнее монет будет.

Грант оценил совет и на удивление капитану тут же ему последовал. Подошел к застывшей у прилавка трактирщице,

очаровательно улыбнулся и что-то сказал. Полная и заплывшая жиром женщина с маленькими круглыми глазами выслушала, затем молча удалилась и вернулась с миской в руках. Передала Гранту и, глупо моргая, уставилась ему вслед и смотрела до той самой поры, пока юноша не исчез за стеной из дождя, что не прекращал поливать улицу. Как только за Хиггинсом медленно и со скрипом затворилась входная дверь, хозяйка всплеснула руками и выдала:

– Ну и чудак этот наш новый губернатор! Ну и чудак!

Дождь лил, не думая останавливаться, даже участился. Народ, ещё пять минут назад сновавший по пристани туда-сюда, разбежался, однако слепая старуха никуда не делась. Как шла медленно, осторожно нащупывая дорогу палкой, так и продолжала идти, и капли, падающие с неба иглами, её не останавливали.

Грант оказался возле нищенки в несколько широких шагов. Окликнув, остановил и позволил аккуратно перенять миску из своих рук. Старая женщина заводила ноздрями, учуяв аромат тушеного мяса.

– Поешь, – произнес Хиггинс. – И береги монеты, что я дал.

Старуха резко вскинула голову и вперилась в лицо Гранта бесцветными глазами. Хиггинс поёжился.

– Ты и правда хороший человек, – прошамкала она беззубым ртом. – Я не ошиблась в своем мнении, когда впервые увидела тебя.

Грант наморщил лоб.

– Что за бред? Как ты могла меня увидеть?

– Из нас двоих слеп только ты. Тебя съедает невыносимая тоска по рыжим волосам, и оттого на сердце больно, а на душе противно.

Гранта бросило в жар.

– Кто ты такая, что всё это говоришь? Что ты про меня знаешь? Отвечай!

– Мне даже имя твое неизвестно, но оно мне и не нужно, чтобы дать тебе всего один простой, но очень важный совет: не своди взгляда с моря. И однажды ты увидишь то, что избавит тебя от боли.

– Я ненавижу море, – прохрипел Хиггинс. – И не собираюсь смотреть в его сторону.

Нищенка покачала головой и протянула:

– Тогда зачем тебе глаза? Проще выколоть.

Грант вздрогнул: то ли от слов слепой, то ли от того, что его плечи внезапно укрыли теплым и непромокаемым плащом. Это капитан Редрут, опомнившись, выскочил из таверны вслед за новым губернатором и только сейчас нагнал его.

– Эта нищенка угрожает вам? – забеспокоился капитан.

– Ничего подобного, – процедил Хиггинс. – Мы просто беседовали.

– Странная беседа, – проронил Тобиас, и Грант с ним согласился.

– Действительно. Лучше вернёмся в харчевню, капитан.

Там тепло, и нет людей больных на голову.

С этими словами юноша смерил слепую жалостливым взглядом.

Когда капитан и Хиггинс ушли, старая женщина продолжила свой неторопливый путь. Мелкими шажочками она плелась в направлении моря, а когда почувствовала под ногами первую гальку, то остановилась, поставила на камни миску с едой, распрямилась и, сжав пальцы в кулак, ухмыльнулась и кому-то пригрозила. Однако вокруг старухи никого не было – лишь море бушевало перед ней и плевалось белой пеной.

Глава 3. Что принесли сети

Утро на Ленивой реке выдалось самое обычное. Поверхность колыхалась под листьями и мелкой щепой, которые нанесло ветром, а течение, хоть и пыталось бурлить, торопясь разбавить пресной водой воду морскую, всё же ослабло, оправдывая название. Высокая трава стояла, согнувшись под тяжестью влаги: последней за ночь с неба выпало столько, что впору было ведрами собирать.

Внезапно тучи раздвинулись, и на землю брызнули робкие лучи солнца, столь редкого в это время года. Миллионы бриллиантов заблестали везде: на цветах, крапиве, в зарослях камыша, полоской тянувшегося вдоль берега, и на вспыхнувшей огнём брошенной перламутровой раковине. Блеск последней заметили: щуплый мужичок с вислым носом, околачивающийся неподалеку, тут же прыгнул в сторону раковины и цапнул себе. Отличная добыча! На рынке прилично выручит!

Однако мужчина пришел к реке не за сокровищами – он тянул расставленные на ночь сети, а в сетях, по мере того как они показывались из воды, резвились маленькие рыбки, сильно похожие на мокрые, блестящие монетки.

Разобравшись с уловом из двух неводов, мужчина распрямился, размял спину и руки. Предстояло вытащить ещё два,

и, направившись в их сторону, рыбак не удержался и выругался вслух:

– Вот же крыса сухопутная! Щенок! Птенец, выброшенный мамкой из гнезда! Только-только оперился и сразу возомнил, что может высоко летать! Да ты вначале докажи, что у тебя перо сокола, а не курицы, а потом важничай! В море он, видите ли, запретил выходить! Еду велел раздать! Много ли той еды у него припасено? Чай, вся на богатеев пойдет, а бедному народу как жилось впроголодь, так и придётся. Попробуй-ка накорми десятерых детей этой мелюзгой!

И мужик со слезами на глазах посмотрел в сторону скудного улова, состоявшего из мелкой речной рыбешки.

Однако третья сеть рыбаку не поддавалась: тяжелая, она едва-едва вытянулась из воды на дюйм. Обрадовавшись и поплевав на руки, мужчина упёрся ногами в камень и налег на невод. Фут за футом серые крепко плетеные меж собой путы вылезали из воды. Когда стало совсем тяжело, рыбак сделал последний рывок и обомлел от увиденного: в неводе барахталась не гигантская веслоногая рыба, а... девица! И не утопленница с синей кожей и закотившимися глазами, а живая, бойкая девчушка. Её глаза цветом были ярче самой сочной зелени, а волосы – огненное самого жаркого костра. Но самым удивительным было то, что вместо ног у девушки был хвост, блестящий, изумрудный, чешуйчатый.

– Вот те на, – крикнул мужик и почесал затылок. Затем похлопал себя по щекам и даже ущипнул. – Я вроде не сплю.

Несколько раз поморгав и потеряв глаза, и даже плеснув себе в лицо водой, полной мошкары, мужик осторожно подкрался к девице и вновь уставился на неё. Та прекратила трепыхаться и вперилась в рыбака ненавидящим взглядом.

— Что ты за чудо-то такое? — пробормотал рыбак. — Пове-рил бы, если б увидел тебя на Русалочьих камнях — не зря ж про то место легенды складывают. Но чтобы на Ленивой реке?

Плененная русалка вцепилась пальцами в сети и попыталась их разорвать, но не тут-то было. Мужик сплел их на славу: ни растянуть, ни дырку проделать.

— Отпусти! — взмолилась девушка. — Отпусти, и будет тебе столько рыбы, что до конца жизни хватит! И тебе, и твоим детям!

Мужик фыркнул.

— Вот ещё. Про вашего брата такие байки ходят, что даже по мелочи с вами не захочешь связываться. Обманете, а потом при любом удобном случае шею свернёте.

— Не обману! Клянусь!

Мужчина замахал руками.

— Не слушаю больше ни одного твоего слова!

Вновь поплевав на руки, схватился за край невода и поднатужился. Русалка забилась в панике.

— Куда ты меня тащишь? Остановись немедленно! Остановись, или будет всей твоей семье несчастье!

Но мужик не велся на ругань и проклятия. Он просто

шаг за шагом выбирался из камышей и упорно тянул за собой невод. Когда дополз до наспех сколоченного сарая, в котором вместе с другими рыбаками-приятелями хранил тяжелые снасти, то выдохнул и рванул на себя шатающуюся дверь.

– Посиди-ка внутри. Из этих стен тебе не выбраться. А я скоро вернусь. Видимо, услышал бог мои молитвы, и я наконец разбогатею.

– Быстрее лишишься головы, чем услышишь звон монет, – безглаголиво сседила девушка и отвернулась.

– Это мы ещё посмотрим, – довольно хрюкнул рыбак, вышел из сарая, закрыл дверь и подпер ту несколькими увесистыми поленьями. Те были крепче любого замка: захочешь выбраться наружу – не получится.

Стряхнув с перепачканной одежды ошметки травы и листьев, мужик заторопился в сторону города. Путь был неблизкий, но мысли о награде за «улов» придавали столько сил, что обуянный желанием скорой наживы мужчина не шел, а бежал.

Когда впереди замелькали первые дома, остановился и перевел дыхание. Повертев головой вправо-влево и поразмыслив, куда бы вначале податься – в бродячий цирк, что кочевал из места в место и показывал всем диковинных животных и разные трюки, или к губернатору, – выбрал последнее и поспешил к пристани и главной улице, где надеялся сыскать свое богатство.

Травяной чай, поданный на завтрак, бодрил, и невероятной свежестью пахла земляника, перетёртая с сахаром. И хотя, прежде чем садиться за стол, полагалось умыться, причёсать волосы и одеться, запах свежееиспеченного хлеба и поджаренного бекона так искушал, что Грант, недолго думая, откинул в сторону тяжелое одеяло, поднялся с кровати, закутался в тёплой халат, прошел в столовую да в таком виде и сел за стол. Обмакнул серебряную ложечку в землянику, мазнул по разломленной булочке и, откусив, закрыл от наслаждения глаза. Это было так же хорошо, как дома. И столь же хорошо, как в Нерсесе, о котором, как бы Грант ни старался, до сих пор были все его мысли.

Сушенная фрезия из рукописи переключевала на тумбочку у изголовья кровати. Этой ночью Грант долго не мог уснуть. Ворочался и думал то об одном, то о другом. В Вольном заливе всё было наоборот: за день он так уставал, что засыпал, едва коснувшись головой подушки. На Апарских же островах пока единственным занятием были беседы с капитаном Редрутом, а тот, как назло, болтал только о племяннице, чем разбередил старую рану.

Грант снова мечтал об Эмме: её озорной улыбке, рыжих кудрях, звонком голосе... Когда около года назад он увидел её в подвенечном платье и коснулся губами её руки, его словно ударило током. Нигде и никогда он не видел девушки

красивее. В ту секунду он точно бы наплевал на все приличия, не сдержался и чмокнул бы невесту в щёку, успев заодно украдкой вдохнуть аромат её тела, но... из-за спины девушки вырос Эдгар, и Эмма, прильнув к жениху, промурлыкала тому на ухо что-то забавное, от чего оба рассмеялись. Пробормотав брату и Эмме поздравления, Грант не остался до конца торжества и уехал, сославшись на недомогание. На том празднике жизни он чувствовал себя лишним.

Громкий звон – Грант вздрогнул. Он так далеко улетел в своих мыслях, что не заметил, как пальцы сами собой разжались и ложка упала на пол. Прислуги рядом не оказалось, и, нагнувшись, Хиггинс вдруг услышал громкий топот и взволнованные голоса. Вскоре в дверях показалась красная морда лакея.

– Ваша светлость, – задыхаясь, блеял он, – простите, что врываюсь, когда вы... – слуга скользнул взглядом по губернатору, – не одеты, но к вам тут...

Лакей запнулся и приложил руку к груди: ему срочно требовалось отдышаться.

Грант цапнул с пола ложку и распрямился.

– Кого там принесло? – нахмутив лоб, спросил он и швырнул на стол сдернутую с колен салфетку.

– В том-то и дело, что никого! – выпалил слуга.

– Тогда чего бежал? Словно внизу пожар случился.

– Никакого пожара нет, но вот человечек, конечно, у дверей мнётся. Жаждет вашего внимания.

Грант с подозрением посмотрел на лакея: не пьян ли. Но тот был трезв как стеклышко.

– Ты же только что сказал, что никто не приходил.

Слуга икнул от испуга.

– Сказал. Но только потому, что из себя тот человечиска ничего не представляет. Рыбак. Обычный мужлан из деревни, что по правому руслу Ленивой реки тянется.

Ленивую реку новый губернатор ещё не успел изучить, поэтому просто кивнул, тем самым продемонстрировав, что понимает, о чем речь.

– Если простой мужик, то и говорить будет о простом. И зачем же ты тогда бежал? Принял бы спокойно прошение и после обеда передал мне.

– Да этот рыбак такие вещи говорит... И ведь так правдоподобно звучит!

– Хм, такие вещи, что выслушать его нужно незамедлительно? – Грант посильнее запахнул на груди халат. – Ну, зови тогда.

Когда краснеющий от смущения деревенский удильщик, поднявшийся к его сиятельству губернатору, закончил свой сбивчивый, волнительный рассказ, Грант в ответ лишь отбил барабанную дробь по столу. Безумно хотелось доесть хлеб с вареньем, но от одержимого взгляда рыбака в горло не лезла ни одна крошка. Больной на голову мужик (а Грант ни на секунду не сомневался, что перед ним находится самый настоящий полоумный) с такой страстью зазывал отправиться к

реке, что землянику пришлось отложить до лучших времён.

И все же менять теплый халат на холодный камзол не хотелось, поэтому Хиггинс предпринял последнюю попытку отвязаться от деревенщины, велел срочно позвать к себе Тобиаса Редрута, а заодно пояснил рыбаку, что к реке с ним ходит капитан. Он же и разберется на месте, что к чему.

Услышав решение губернатора, мужик молитвенно сложил руки и чуть ли не бухнулся перед Грантом на колени. Точно бы упал, ещё и лбом о паркет приложился, если бы в ту самую минуту к губернаторскому завтраку не присоединился и сам капитан, по счастливой случайности как раз проезжавший мимо.

Нахально топча грязными сапожищами начищенный пол, он поприветствовал градоначальника, строевым шагом прошел к столу, вытащил из-за пояса нож и бесцеремонно подцепил острием лезвия кусок бекона. Отправив себе в рот, принялся смачно жевать, слушая рыбака. Никогда и ни за что в жизни Тобиас Редрут не позволил бы себе такого поведения, однако после ночной душевной беседы с юным Хиггинсом, считал себя «уже почти родственником» его светлости, а родственникам, как ведется, позволено многое.

– А почему бы вам и не отправиться к Ленивой реке? – заключил капитан, после того как мужик в третий раз рассказал о своем утреннем улове. – Поедем в моем экипаже. Я покажу вам город, заодно и окрестности изучите. Тем более дождя за окном нет. Отлично прогуляемся! А вечером мож-

но ещё раз по кружечке пропустить.

– Вы, что же, верите в эту чушь? – поинтересовался Хиггинс.

Тобиас Редрут ухмыльнулся себе в усы.

– Конечно, нет. Но это не мешает нам одним выстрелом убить двух зайцев: и местностью полюбуемся, и дураля проучите. – Капитан сердито посмотрел на мужика. – Слышь ты, коль смеешь обманывать его светлость, тебя выпорют прилюдно на площади! Тридцать ударов розгами!

– А коль не вру? – хитро прищурился рыбак.

Капитан растерялся.

– Коль не врешь... – протянул он и задумался.

– Едем, – обрубил размышления Тобиаса Грант и велел служанке подготовить для него одежду и сапоги.

Вначале закончилась мостовая, по которой лошади не шли – летели. Затем – протоптанная грунтовая дорога. После двуколка Тобиаса Редрута угодила в колею, из которой хоть и с трудом, но выкарабкалась. Когда же оборвалось самое последнее подобие дороги, кучер потянул на себя поводья, и лошади встали.

– Приехали, – пробасил возница. – Дальше только на своих двоих!

Грант Хиггинс и капитан Редрут вылезли из двуколки. Сопровождавший их рыбак сидел рядом с кучером на высоком

облучке, с которого соскочил ловко и быстро.

Капитан Редрут пригладил распушившиеся от влажности усы.

– А по такой траве точно пройдем? – спросил он, окинув взглядом просторы.

– Там тропинка имеется, – пояснил рыбак. – Удобная.

Вскоре выяснилось, что под удобной тропинкой подразумевалась узкая полоска разжиженной из-за дождей земли, и идти по ней пришлось строго в ряд, дыша друг другу в спину.

Путь прокладывал рыбак. Следом за ним топал Тобиас, придерживая руку не просто на поясе, а на рукояти пистолета. Замыкал процессию Грант, про себя сто раз пожалевший, что поддался на уговоры: мало того что на сапоги и штаны налипла грязь, так ещё и поднявшиеся из подсушенной солнцем травы комары, обрадовавшись свежей крови, атаковали роем и сразу со всех сторон.

Когда дошли до перекошенного сарая, рыбак и капитан держались молодцами, а вот Грант выглядел окончательно уставшим: щеки покраснелись, словно он не прошел две мили, а пробежал, дыхание сбилось, волосы на голове слиплись от пота, а левое веко опухло от укуса мошки, хоть Грант и успел ту прихлопнуть.

– Пришли, – радостно выдохнул мужик и навалился на поленья, сдвигая их в сторону. – Готовы, ваше благородие? Я открываю.

Грант кивнул, и рыбак рванул на себя дверь. Внутри было

тихо, темно и пусто.

– И где русалка? – недоуменно спросил Хиггинс, щурясь и пытаясь хоть что-то высмотреть.

Рыбак ткнул на ворох соломы у входа.

– Я бросил невод с ней прямо тут. Может, отползла?

Капитан Редрут заводил усами и вытащил из-за пояса пистолет.

– Нюхом чую подвох.

Деревенский мужик всплеснул руками.

– Да какой подвох, ваша светлость? Была она тут, с хвостом, вся в сетях запутавшаяся... Сейчас, верно, в дальний угол забилась. Надо просто внутрь зайти и внимательнее поглядеть.

– Тогда ты первый и заходи, – распорядился Грант и взглядом указал на вход. – Чего медлишь? Давай.

Рыбак уверенно шагнул внутрь, а следом за ним капитан Редрут, держа на мушке не только мужика, но и всю ситуацию. Оба растворились в полумраке, когда Грант только-только решился на первый шаг.

– Вот те на! – услышал Хиггинс капитана. – Вот так улов!

Ответом было растерянное блеяние:

– Да как же так-то?! Как же так?

Двинувшись внутрь, Грант приблизился к рыбаку и капитану. Те стояли плечом к плечу, и их спины мешали что-либо разглядеть. Когда же Грант робко кашлянул, тем самым намекнув, что он как бы тоже здесь, мужик и капитан встре-

пенулись и отодвинулись, предъявив губернатору то, на что пялились во все глаза.

Этим нечто оказалась опутанная сетями девица, но никакая не русалка, потому что ни хвоста, ни чешуи у неё не было, а обыкновенная девушка с ногами самыми что ни на есть человеческими. Будучи нагой, она тянула на себя все нити, стараясь спрятать от взоров трёх мужиков самое сокровенное, однако получилось прикрыть лишь грудь: длинные рыжие волосы разметались по плечам, и набухшие соски ловко укрылись под густыми прядями.

Тело девушки было прекрасно: словно точеное морской волной, оно пробуждало такие фантазии, что капитан Редрут невольно сглотнул и перевел взгляд с талии девицы на лицо. Зря он это сделал: в бездонных зеленых глазах можно было утонуть быстрее, чем на самом глубоком месте в океане, будучи засасываемым пучиной.

И только Гранта не волновала неземная невинная красота, сорвать которую мечтал бы каждый. Вместо того чтобы присоединиться к капитану и деревенскому мужику, он вдруг побледнел, а затем в одно движение снял с себя камзол и рванул вперед. Укрыл камзолом забившуюся в угол девушку и обернулся к капитану и рыбаку. Его глаза сверкнули гневом.

– Идиот! – злобно выплюнул он в сторону неотесанного мужика. – Это же надо быть таким скотиной, чтобы упрятать сюда беспомощную девчонку, а потом под дурацким предлогом притащить нас и заставить любоваться этим варвар-

ством! Капитан Редрут, арестуйте его! Будет знать, как издеваться над незащитными.

Вовремя сообразивший, куда дует ветер, Тобиас тут же отскочил от мужика и наставил на него дуло пистолета.

– На выход! – скомандовал он. – Давай-давай! Живее!

– Но... – мужик растерялся и поднял руки. – Но я же был уверен, что поймал русалку! У неё точно был хвост!

– Пусть замолчит, – прошипел Грант, пытаясь разорвать сети и высвободить девушку, – иначе я придушу его. Капитан Редрут, передайте мне ваш нож.

Упрятанный в ножны короткий клинок лег в руку Хиггинса. Старший брат легко с таким управлялся – Грант же держал подобное в руках второй раз в жизни.

– Да он, верно, всю ночь квасил, – промычал капитан, подгоняя мужика к выходу. – Вот и мерещатся ему то хвосты, то чешуя... Не волнуйтесь, дамочка, – бросил Тобиас девушке, – сейчас доставим вас домой в целости и сохранности, а этого болвана проучим, как он того заслуживает.

– Но как же так? – продолжал паниковать рыбак. – Эй, ты, хвостатая! Скажи, что я говорю правду! Расскажи, как обещала мне рыбу, коль отпущу тебя, и как грозилась свернуть мне шею! Чего молчишь? Говори!

Перерезающий нити невода Грант на мгновение остановился и посмотрел на девушку. Та испуганно пялилась в сторону плюющего ненавистью мужика, и её кораллового цвета губы чуть приоткрылись, но из них не вылетело ни слова.

– Не нужно ничего объяснять, – сказал Грант девушке, – я и без слов всё вижу. Этот мерзавец ответит за то, что с вами сделал! Можете больше не дрожать от страха. Сейчас я освобожу вас и отвезу домой. Только скажите куда.

Острое лезвие разрывало нить за нитью. Спешившая выкарабкаться из плена девушка, одной рукой придерживая на себе камзол, другой сбрасывала с себя верёвки, ставшие невыносимыми оковами. Один раз её пальцы столкнулись с рукой Гранта, и юношу обожгло холодом. На мгновение ему показалось, что он нырнул с головой в ледяную воду и опустился на самое дно океана, но видение исчезло столь же быстро, как появилось, и вот Грант уже снова перерезал бечёвку.

– Вот и всё, – выдохнул он и вытер рукой лоб. Рукав белоснежной рубашки мигом впитал влагу с кожи.

Прикрытая дорогим камзолом девчушка выскользнула из сетей, как рыбка, наткнувшись на дыру в неводе. Когда поднялась на ноги, Грант предусмотрительно отвернулся, позволив незнакомке тщательно завернуться в его одежду и по сильнее запахнуть. Пока стоял, пялясь на солому, догадался нагнуться и отрезать кусок верёвки. Не оборачиваясь, протянул девушке и снова ощутил на кончиках пальцев свежесть морских брызг, от которых морщился все те дни, что плыл сюда из Вольного залива.

От неприятных воспоминаний запершило в горле.

– Я подожду вас на улице, – кое-как выдавил Хиггинс и

шагнул в направлении выхода, остро нуждаясь в глотке свежего воздуха.

Вовремя он это сделал, потому что в ту самую секунду на улице прогремел выстрел. Стрелять мог только капитан Редрут: пятью минутами ранее он вызвался увести мужика-обманщика к двуколке.

Чуть не запнувшись о пустое ведро, стоявшее у самого порога, Грант вывалился из сарая. В двухстах футах от него стоял запыхавшийся Тобиас. Его щеки пылали. Увидев губернатора, капитан виновато развел руками, в одной из которых держал пистолет, и двинулся обратно к кривой постройке.

– Упустил! – с горечью в голосе выкрикнул он, когда расстояние между ним и Грантом сократилось до такой степени, что можно было слышать любое слово. – Сбежал скотина, чтоб его! Я за ним погнался, но он рысачит по траве вдвое быстрее. Я даже стрелял, но промахнулся.

Грант не сердился.

– Составьте его портрет и прикрепите к каждому столбу в городе. Назначьте солидное вознаграждение любому, кто его отыщет и приведет ко мне. Уверен, его же собственные приятели и сдадут его в обмен на звонкую монету.

Капитан Редрут открыл было рот, чтобы что-то уточнить, но, видимо, передумал, так как только почесал затылок и внезапно спросил:

– А с ней что делать?

Грант обернулся.

За его спиной стояла спасенная девушка и переминалась с ноги на ногу.

– Мы отвезем бедняжку домой. – Распорядившись, тут же обратился к рыжеволосой девчужке: – Куда ехать?

Девушка в ответ лишь моргнула длинными ресницами.

– Ваш дом... – повторил Грант. – Где вы живете? Или, может, ваши родители, семья... Жених, в конце концов.

Девушка упорно молчала.

– Как воды в рот набрала, – хмыкнул капитан Редрут.

На свою ухмылку тут же получил робкое:

– Нет у меня никакой воды во рту... Всё давно выплюнула или проглотила.

У капитана округлились глаза.

– А я думал, она немая, – крикнул он. – Простите, если оскорбил вас, барышня. Всё, что говорил, было лишь из лучших побуждений.

– Она ещё не пришла в себя, – защитил девушку Грант. – Но если скажет, в какой стороне живет, то быстро сможет вернуться к привычному образу жизни. Так где ваш дом? – хоть и вежливо, но с напором, спросил Хиггинс.

– Я лучше сама... сама дойду.

– Не возражаю, но только после того как скажете, в какую сторону пойдете.

– Туда! – Рыжеволосая махнула рукой.

Грант перевел взгляд на Тобиаса.

– Что в той стороне, капитан?

– Море.

– Никаких деревень?

– Да какие там деревни, ваша светлость?! Сплошные заросли, а затем – сразу берег!

Хиггинс посмотрел на девушку.

– Слышите? Вы уверены, что правильно показываете?

По взгляду девчушки было понятно, что та находилась в замешательстве.

– Может, у неё провал в памяти? – предположил капитан.

– У меня приятель так однажды окунулся в море и встретился там с акулой. Так от той встречи до сих пор заикается.

Грант понимающе кивнул и снова обратился к незнакомке:

– Вы не помните, где ваш дом? Если так, не беда. Пройдёт время – память вернётся, или кто-то хватится вас. Но если вы расскажете о себе хоть что-нибудь, что не забыли, то это сильно поможет.

– Что-нибудь?..

– Например, ваше имя.

– Имя?

– Ну да. По имени нам будет проще разыскать ваших родных.

– Дениз.

– Что?

– Меня зовут Дениз.

– А, понял. – Грант протянул девушке руку. – Пойдёмте с нами, Дениз. И нас вы можете не бояться. Я – новый губернатор этих островов, а это – капитан Тобиас Редрут. Мы здесь, чтобы охранять порядок.

Но девчушка не торопилась вкладывать свои тоненькие, прохладные пальчики в руку Хиггинса.

– Я сама... Я точно дойду!

– Куда? К морю? Да вы быстрее попадетесь в лапы ещё одному такому же прохиндею, чем выйдете к побережью. Нет, я не оставлю вас. Вы едете с нами.

– Что вы надумали, ваша светлость? – поинтересовался Тобиас.

– Мы возвращаемся домой, капитан. Ко мне домой. Даже если сейчас Дениз ничего не помнит, то будем надеяться, что после отдыха память вернётся к ней. Ну, или о ней кто-то спросит. Пока же ей надо поесть и вздремнуть. Она пережила такой ужас. Моя экономка о ней позаботится.

Глава 4. Такая опасная вода

– Почему вы здесь, миссис Мейлз? – спросил Грант, бросив на помощницу полный искреннего удивления взгляд. Он только что сменил рубашку и вдевал серебряные запонки, когда средних лет экономка церемонно постучала в двери гардеробной комнаты и, как только ей позволили зайти, положила, что обед подадут ровно через сорок минут.

– Я проверила воду, оставила лавандовое мыло, гребенку и два больших полотенца. Минут через двадцать принесу вашей гостье платье и башмаки. Не уверена только, подойдут ли они по размеру, но это всё, что мы нашли в такой спешке.

– Почему вы не остались с ней? Я ведь просил. Ей может понадобиться помощь.

– В том нет необходимости. Девушка прекрасно себя чувствует. Да, она ведет себя диковато, но я бы списала такое поведение на неловкость, нежели испуг. Думаю, она впервые перешагнула порог такого дома, как этот, потому и не знает толком, как себя вести.

– А мне показалось, она из приличной семьи. У неё такая белоснежная кожа.

Экономка помотала головой и бесстрастно произнесла:

– Ни к одной из знатных семей нашего края она не принадлежит. Уж я-то знаю.

– Уверены?

– Я всегда отдаю себе отчёт в том, что говорю, – отчеканила миссис Мейлз, и по тому, как сомкнула губы, могло показаться, что она даже немного обиделась. – Я знаю всех уважаемых жителей этих островов, и ни у одного из них нет такой дочери.

– Что если родственница дальняя?

– Кроме корабля, на котором прибыли вы, больше кораблей в нашу бухту не заходило. Если не верите мне, то спросите капитана Редрута. Он все суда регистрирует у себя в журнале.

– Я верю вам, – поспешил извернуться Грант. – Получается, искать семью этой бедняжки нужно не в городской черте.

– В городе точно не стоит. Правильнее будет пройтись по деревням, вот только сейчас не во многие проедешь. Дороги размыло... Вы сами видели. А пешком идти далеко. Даже если попробуете, то откажетесь от затеи, не охватив и малой доли территории.

Грант застегнул обе запонки и оправил рукава.

– Но выбросить её на улицу я всё равно не могу. Остаётся надеяться, что память к нашей гостье вернётся раньше, чем солнце просушит землю. – Хиггинс поводил головой. – Вы не видели мой жилет, миссис Мейлз? Я вешал его на спинку этого кресла.

С гордостью в голосе помощница ответила:

– Ваш жилет давно в чистке, ваша светлость. На нём было

отвратительного вида пятно.

Грант вздохнул.

— А новые, должно быть, ещё мяты. Я не успел разобрать вещи...

— Я всё разобрала, пока вы отсутствовали. Позвольте покажу, что где лежит. Вещей у вас немного, так что запомните быстро. И да, каждая складочка разглажена, и все воротнички накрахмалены. Всё, как и положено.

Грант развел руками.

— Не знаю, как вас благодарить, миссис Мейлз, — с чувством долга ответил он, на что чопорная экономка только слегка повела бровями.

Дом, который достался Гранту Хиггинсу от скончавшегося губернатора, был большой, но на обстановку скудный. Из девяти комнат богато меблированы были лишь кабинет, столовая и чайная комната, располагавшаяся на полукруглой террасе на втором этаже. Прочие же помещения, включая спальню, довольствовались скромным набором мебели, а двери в некоторые из комнат так вообще были заколочены.

Как выяснил Грант, прежний губернатор не имел семьи, жил один, но обществом женщин никогда не пренебрегал. Напротив, был весельчак ещё тот, порой устраивал у себя в саду приемы, но чаще всё же выезжал на балы в столицу или прочие крупные города королевства. Вся местная знать стремилась как можно скорее сблизиться с градоначальником и представить ему своих дочерей, и каждый из горожан в тай-

не от другого мечтал, что именно его дитя охмурит губернатора и станет хозяйкой роскошного особняка. Этот трюк почти удался у брата капитана Редрута, однако представительный жених скончался быстрее, чем невесте успели заполнить сундук приданым.

Изуродованного тела покойного губернатора Грант не видел, но оценил случившееся, после того как капитан Редрут представил доклад. Последний сделал это во всех красках. Хотел даже повторить самые, на его взгляд, важные вещи, но Гранту от услышанного стало так плохо, что второго раунда он точно не выдержал бы. После отчёта капитан вновь заговорил о своей племяннице. И хотя намеревался он это сделать в самой легкой и непосредственной манере, вышло всё равно по-солдафонски топорно и настырно. Искушенный в таких делах Грант сразу смекнул что к чему и перевел разговор в другое русло. Принялся расспрашивать о прочих погибших, но ничего нового для себя не открыл. Все умершие были молоды, холосты, и после их смерти на земле не осталось горюющей вдовушки или дюжины детей мал мала меньше.

Попробовал Грант порасспрашивать и миссис Мейлз, но та на разговор о прежнем хозяине велась неохотно. Из всех расспросов проговорила лишь, что перед смертью прежний губернатор зачастил покидать дом с утра пораньше, когда не только весь город, но даже чайки спали. Экипаж не брал – лишь трость в руки. О том, где был, никому не рас-

сказывал, но возвращался воодушевленный и в отличном настроении, и далее весь день вплоть до вечера твердил о пользе утренних прогулок. Вдохновил многих знакомых, но те, пару раз попробовав, во вкус не вошли и быстро вернулись к прежнему ритму жизни.

Повязав на шею платок королевского синего цвета, Грант сунул руки в рукава чистого камзола и надел его. Оправив с боков, посмотрелся в зеркало и пригладил волосы на висках. Крупный сапфир в перстне на пальце поймал на себе лучик света и рассыпал вокруг ослепительные блески.

– Наша гостя ещё не выходила? – поинтересовался юноша, появившись в столовой и опустившись на отодвинутое для него кресло. Горячие блюда подавать ещё не начали, но слуга счёл за высочайшую честь наполнить невысокий бокал губернатора сливовой наливкой.

Слуга отчеканил:

– Миссис Мейлз сообщила, что мисс ещё не готова. Прикажете нести суп?

Грант пригубил наливку. Бокал, в котором ту подали к столу, являл собой настоящее произведение искусства: стекло было необычайно редкого холодного синего цвета и своим сиянием вторило блеску сапфира на пальце губернатора.

– Не стоит торопиться. Я потерплю и подожду Дениз.

– Как изволите.

Слуга поклонился и удалился сообщить повару решение губернатора.

Время шло, но Дениз так и не появлялась.

Поёрзав в кресле и одарив голодным взглядом горсть оливков, выложенных на блюдо в центре стола, Грант подцепил одну, сунул в рот и чуть не подавился косточкой, заслышав шаги в коридоре. Поправив разложенную на коленях салфетку, перевел взгляд со стола на распахнутые двери и уже приготовился в качестве приветствия сказать что-нибудь легкое и милое, соответствующее уютной обстановке обеда, как вдруг посерьезнел и нахмурил лоб.

В столовую вошла вовсе не вырученная из беды девушка, а всё та же миссис Мейлз. Из-за её спины выглядывал командир гарнизона. Гранта резко посетило чувство дежавю.

– Простите, что врываюсь вот так, без предупреждения, – витиевато начал командир, – но дело срочное.

По выражению круглого лица командующего было видно, что он жутко переживал: войти в доверие к новому губернатору он ещё не успел, а начинать знакомство с дурных новостей, по мнению его матушки, было плохой приметой. Но выхода не было, и верный начальству солдат с честью взял на себя возможный будущий удар, решив самолично доложить о случившемся градоначальнику.

– Вас прислал капитан Редрут? – поинтересовался Грант, сверля взглядом бегающие глаза и поджатые губы служивого.

– Никак нет, ваша светлость. Но надеюсь, известие, которое я вам принёс, дойдёт до капитана в ближайшие минуты,

если ещё не дошло. – И пояснил: – Я отправил к нему помощника.

Убрав с колен салфетку, Грант с легким раздражением в голосе бросил:

– Да что случилось? Говорите!

– Мы нашли его, ваша светлость!

– Кого?

– Мужика, которого вы объявили в розыск.

– Так быстро?

– Это было не сложно. Будь он, конечно, живой, пришлось бы повозиться. Живых искать тяжело. Особенно местных рыбаков. Они каждый куст знают, каждые камыши. Засядут – собака не учует!

– А он что же... – Грант замешкался, – не живой?

Командир кивнул.

– Так точно. Мёртв.

Грант смотрел на служивого недовольно. По его мнению, в принесенной командующим новости не было никакой срочности. Простой мужик умер – не граф. Тем более и отличился тот мужик с настолько отвратительной стороны, что скорбить по нему будут в последнюю очередь. Что ж, завтра или следующим днем не мешало бы собрать всё командование, включая капитана Редрута и этого шибко прыткого вояку, и объяснить, что бежать, как на пожар, к губернатору и расталкивать слуг в дверях локтями по каждой мелочи, будь то сломанная рука или травля соседской собаки, не сто-

ит. На первый раз, конечно, вояке будет прощение, но если подобное повторится... Мешать обеду должна лишь крайне важная новость. Такая, как жор урожая саранчей или та же смерть, пусть и простолюдина, но смерть необычная, странная, невыразимо леденящая душу.

Желая поскорее спровадить глупого выскочку-командира и посвятить ближайший час-два чечевичному супу да курочке, приготовленной на вертеле, Грант отложил нравоучения на потом и снисходительно сказал:

– Молодец, что доложил. Теперь свободен. Иди. Ну, иди же!

Последняя фраза вышла немного надрывно, и Гранту пришлось несколько раз кашлянуть в кулак, чтобы списать резкое проявление недовольства на краткосрочный недуг.

Командующий явно не ожидал такого ответа, поэтому растерялся. Однако нашел в себе смелости выпалить то, от чего у Гранта на голове зашевелились волосы:

– Вы на него не взглянете, ваша светлость? Сдохни он просто так – утони в реке или запнись о камень, – я бы к вам не бежал. Подождал бы, когда вы откусать изволите, тогда и пришел бы. Или через капитана Редрута передал. Но когда мои ребята нашли изуродованное тело без головы, то я подумал, что вам срочно нужно об этом услышать. Вдруг это важно. Не зря же вы того мужика разыскивать стали. А тут ещё и смерть такая странная... И голова не топором отрублена, а будто оторвана. Хотя что же это за силища такая должна

быть, чтоб голову вместе с шеей от туловища оторвать? Человеческое тело – не лепешка. Так что прямо загадка...

У Гранта помутнело перед глазами. Проведя рукой по лицу, а затем по шее, словно проверяя, соединена ли та с телом или тоже... того, Хиггинс зачем-то взял в руки вилку, повертел в пальцах, а затем переложил на другую сторону от тарелки. После вскинул голову и проронил:

– А теперь ещё раз и во всех подробностях. Вы нашли рыбака, которого я приказал разыскать?

Командир гарнизона испуганно икнул.

– Всё так, милорд. Услышав приказ капитана, я отправился на реку с несколькими своими людьми. Мы облазили все камыши, а после сели на бережок отдохнуть, как вдруг один из моих парней как завизжит.

– Он что, девчонка?

– Пацан, ваша светлость, но визжать любит.

– Продолжайте.

– Он орал, тыкал пальцем куда-то в воду. Вначале мы подумали, что там крокодил или ещё какая нечисть, но пригляделись и увидели тело. Выловили, а голову нашли лишь спустя минут десять. Её волной прибило к берегу. Капитан Редрут распорядился сообщать ему и вам обо всех странностях, что могут случиться как в море, так и на суше, вот я и подумал, что надо бы поставить вас в известность.

Грант вздохнул.

– Хорошо. Молодец, что сообщил. Можешь быть свобо-

ден.

Командующий остолбенел.

– К-как? – заикаясь, спросил он. – Вы не поедете на реку лично осмотреть тело?

Настала очередь Гранта удивляться.

– А надо?

Командир покраснел.

– Простите, губернатор. Я что-то с головой сегодня не дружу... Извините.

Гранту стало не по себе. С одной стороны, дело сделано, мерзавец, издевавшийся на девушкой, найден, хоть и мёртвым, но с другой стороны, его смерть была такой необычной и отдаленно напоминала случаи, которые предстояло расследовать.

Как бы поступил отец? Остался бы дома или рванул на реку? В его выборе Грант не сомневался.

А что бы сделал старший брат? Впрочем, этот был копией отца, поэтому и тут сомнений не было.

Хиггинс вздохнул и вышел из-за стола.

– Ждите внизу, командир. Я скоро.

Об обеде не могло быть и речи, и Грант, чтобы хоть как-то заглушить боль в животе, которому и завтрака досталось не много, вновь взял из пиалы оливок и одну за другой закинул в рот. В этот момент на него с неодобрением посмотрела миссис Мейлз, и Грант снова чуть не поперхнулся. Ещё и косточки красиво выплюнуть не получилось.

– Дениз не вышла? – откашливаясь, спросил Хиггинс. Нужно было любым способом сменить внимание с тонкостей столового этикета на что-то другое.

– Нет, милорд. И я не могу попасть к ней в умывальню. Девушка заперлась изнутри.

Грант одарил экономку сердитым взглядом.

– И вы только сейчас об этом докладываете? А вдруг что-то случилось? Что если ей стало плохо?

– Она точно жива, так как у дверей толкутся Сюзи и Рейна, и время от времени они слышат непонятный грохот и даже её голос. Не исключаю вероятности, что в вашей купальне сейчас творится откровенный погром. Я же предупреждала, что девушка не из знатной семьи. Она, вероятно, и мыла-то никогда в своей жизни не видела. Что уж говорить о ванне!

– А всё из-за того, что вы не послушали меня и оставили Дениз одну!

– Я тоже корю себя за эту ошибку, милорд.

– Мне надо её проверить.

– Кого?

– Дениз! Я не могу уехать, не убедившись, что она в безопасности.

– Но ваша светлость, не будете же вы вышибать дверь?!

Грант вспыхнул.

– За кого вы меня принимаете?

И, не желая больше терять драгоценного времени, поспешил по коридору в сторону умывальни.

около часа назад

Стук в дверь не прекращался, да и дверная ручка ходила ходуном. Когда же всё стихло, то тишина продолжалась не более минуты. Ей на смену пришли полные переживаний расспросы, а после дверь снова принялась шататься – слетела с петель бы, если б вместо двух тощих девиц на неё навалились мускулистые мужики. А после через щель между дверным полотном и резным наличником вновь полились причитания и мольбы: Сюзи и Рейна, по очереди прикладываясь глазом к узкой расщелине, голосили изо всех сил и пытались хоть что-то высмотреть, потому что отвечать на их вопросы и уговоры никто не собирался.

Да и что там было отвечать-то?

Если про пахнувший лавандой брусок, до ужаса скользкий, неприятный на ощупь, то он сейчас валялся на полу, прямо около пузатого шкафа, полного тяжелых полотенец, баночек с мазями и пузырьков с душистой водой.

А если про странное сооружение, водруженное посередине комнаты и своим видом напоминавшее то ли слишком маленькую лодку, то ли чересчур вытянутую бочку, то в ней, на четверть наполненной тёплой водой, лежала девушка и с бесконечной грустью, затопившей до краев её большие зелёные глаза, взирала на свои ноги, место которых занял длин-

ный русалочий хвост.

Всё случилось так внезапно, что, только очутившись в воде, Дениз поняла, какую ошибку совершила. И ведь говорили сестры, словно знали: в мире людей всё иное! Люди предпочитают жить не на просторе, а в каменных и деревянных клетках, уподобляясь улиткам, забившимся в ракушку. А ещё люди зачем-то пузырят воду до такого её состояния, что на поверхности клубится пар, а потом засовывают в ту воду рыбу, которую после едят. Зачем они так делают? Только вкус перебивают! Куда приятнее проглотить того же малька саргана живьем!

А ещё люди берут в руки гладкий брусок и моют с ним тело. А от того бруска к потолку пузыри летят! Прозрачные, переливчатые... Но долго они не живут и быстро лопаются, брызжа вокруг чем-то липким, что так и хочется смыть, если вдруг на кожу попадёт.

Размышляя об этом всём, Дениз тяжело вздохнула. Если бы она вспомнила о наставлениях сестёр раньше!..

Когда за строгой женщиной, забравшей камзол хозяина дома, закрылась дверь, Дениз первым делом бросилась к окну. Распахнула створки и свесилась на улицу, надеясь в ту же секунду сбежать из клетки, в которую попала. Но не тут-то было: от высоты закружилась голова, а прыгать вниз означало ногу ломать. Ещё и народ, прогуливающийся возле дома, вдруг встал как вкопанный и принялся пялиться на окна и, прежде всего, на то, из которого высунулась Дениз. Ещё бы!

Не каждый день увидишь, как из особняка самого уважаемого человека в городе, по совместительству графа, сына того самого Александра Хиггинса и младшего брата нынешнего адмирала, удирает обнаженная девица. Будет что обсудить за ужином!

Пришлось вернуться обратно в комнату и захлопнуть створки. Первый план побега, казавшийся легко выполнимым, с треском провалился. Надо было продумать второй.

В эту минуту в умывальню попытались зайти.

– Это миссис Мейлз, – услышала Дениз голос. – Я принесла платье и башмаки. Почему вы закрылись?

Дениз закружилась на месте, лихорадочно соображая, что бы предпринять. Взгляд упал на две кадки с водой, стоявшие у той самой «лодки», которую люди прозвали «ванной».

Схватив одной рукой пахнущий лавандой брусок, а другой – ковш, Дениз зачерпнула воды из кадки и, склонившись над ванной, плеснула себе на пальцы, в которых было зажато мыло.

– Я моюсь! – крикнула она в сторону двери. – Я вся мокрая!

И в подтверждение своих слов начала лить воду на дно ванны, поднимая ковш как можно выше, чтобы шум был как можно громче. Заодно брызгала себе на руку, крутя в пальцах ароматный брусок.

Тот неожиданно стал такой скользкий, что выпал из ладони прямо на пол, к ногам. Дениз едва успела отскочить,

чтобы не замараться. Ещё одна странная штука, выдуманная людьми. Пахнет хорошо, а на ощупь – настоящая миксина*, с которой из всех развлечений только купание в собственной слизи. Крайне омерзительное веселье, не доставляющее никакого удовольствия.

Когда из одной из кадок было вычерпано всё до последней капли, Дениз отложила в сторону ковш, осторожно присела на краешек ванны и прислушалась. По ту сторону двери царила тишина, но радоваться было рано. Акула в лице настырной миссис Мейлз всё еще вертелась у входа в клетку.

– Я оставляю одежду здесь, – донеслось до девушки. – Сюзи и Рейна приглядят за ней. Заодно помогут вам прихорашиваться, как только вы закончите умываться. А потом проводят в столовую. Молодой хозяин давно ждёт вас там. Поторопитесь.

Вторая возможность побега тоже накрылась. Теперь удрать через дверь точно не вышло бы, ведь с другой стороны основательно засели такие крупные рыбехи как Сюзи и Рейна.

Дениз бросила полный отчаяния взгляд на окно. Через него однозначно получится и быстрее, и удобнее, пусть в девушку и тычут пальцем. И плевать, какой поднимется переполох, если через полчаса она уже будет плескаться в море. В конце концов, что русалке, дочери морского бога, до мнения каких-то там жалких людишек, к тому же ещё и смертных?!

Решив так, Дениз в один рывок поднялась с края купели

и... поскользнувшись на лежавшем на полу влажном куске мыла, не удержалась и рухнула прямо в ванну, в воду, которую сама туда и налила.

Многочисленные брызги взметнулись вверх, а теплая вода нежно обняла Дениз со всех сторон, лизнула её плечи, руки, грудь... Не пощадила и ноги, и несчастной девушке ничего не оставалось, как молча и пребывая в полной безысходности наблюдать, как в одну секунду те покрылись чешуей, а в месте, где совсем недавно были ступни, сейчас красовался гибкий и подвижный хвост, тот самый, который у неё был с самого рождения и исчезал лишь, стоило ему высохнуть.

Одного падения было мало: пустая кадка, по случайности задетая ногой, с грохотом отлетела в сторону и врезалась в подкатной столик, на котором воздушными облаками покоились пушистые полотенца и стоял чайник с чашкой. В чайнике заварили ромашку, и её умиротворяющий аромат тысячами крохотных бабочек разлетелся по комнате, в то время как сам чайник – вдребезги и в разные стороны. Шум получился приличный.

– Ох, – только и смогла прошептать Дениз, и обреченно закатила глаза.

К неразберихе в купальне прибавилась паника в коридоре: Сюзи и Рейна штурмовали дверь и призывали гостью промяукать хотя бы словечко. Неожиданно к высоким дамским голосам присоединился другой, низкий, мужской, и в том голосе Дениз узнала юношу, из-за чьей упрямой заботы оказа-

лась здесь. Осведомившись о положении дел, новый губернатор Апарских островов лично несколько раз подергал ручку, затем навалился плечом на дверь, а после громко произнес:

– Дениз! С вами всё хорошо? Ответьте же!

Стараясь звучать непринуждённо, девушка выкрикнула:

– Всё прекрасно! Я... я пью... – не сообразив, как называется то, что принесли в чайнике, выплеснула: – воду!

А затем попробовала подтянуться на руках, привстать, перегнуться через край ванны и поднять упавшее на пол полотенце.

– Воду? – Хиггинс пребывал в замешательстве. – Я ждал вас в столовой...

– Подождите ещё минут десять! Ещё немного – я буду готова.

Первый рывок оказался неудачным. Дениз попробовала ещё раз.

– Я пришёл сообщить, что мне нужно срочно вернуться на Ленивую реку. Стража нашла вашего обидчика. Он мёртв, и я хотел бы лично осмотреть место, где его обнаружили.

Глаза Дениз радостно заблестели! Ленивая река! Второго такого шанса точно не будет!

– Стойте! – завопила девушка. – Не уезжайте! Возьмите меня с собой! Пожалуйста!

Грант отвечал спокойно:

– Вам нет необходимости туда ехать. Вы сегодня и так перереволновалась, а ваш обидчик получил по заслугам. Я про-

сто зашёл сообщить вам, чтобы вы не торопились и приводили себя в порядок столько, сколько потребуется. Обед вам подогреют. А поговорим уже вечером. Надеюсь, я смогу помочь вам вернуться к родным. Договорились?

– Не договорились, – шептала про себя Дениз, штурмуя край ванны и пытаюсь выкарабкаться из неё. – Вот никак не договорились. – А вслух произнесла: – Но мне бы очень хотелось поехать с вами! Вдруг... вдруг я что-то вспомню! Как оказалась там и откуда шла!

В словах девушки был здравый смысл, и Грант замешкался.

Воспользовавшаяся паузой Дениз снова подтянулась на руках. Выхода не было, кроме как прибегнуть к крайней мере. Пришлось изо всей силы взмахнуть хвостом. Тяжелый, тот сделал своё дело: перевесил так, что вслед за ним на пол плюхнулась и сама девушка. Однако хвост заодно и разметал всё вокруг, до чего никогда не дотянулись бы ни ноги, ни руки. Одно было хорошо: цапнуть полотенце, и не одно, а два, у Дениз получилось сразу.

По ту сторону двери занервничали.

– Вы живы?

Масла в огонь подлила вредная экономка:

– А я говорила вам, милорд, что девушка абсолютно не в себе. Если так пойдет дальше, то от дома не останется ни одного кирпичика.

– Не паникуйте, миссис Мейлз.

– Но этот грохот не первый.

– Уверен, что всё хорошо. Дениз, вы ведь не поранились?

– Я цела! – поспешила заверить девушка, спешно вытирая воду с чешуи.

Первое полотенце полностью пропиталось влагой. Отшвырнув его в сторону, Дениз взялась за второе. Теперь дело было за хвостом, и загнанная в угол девчушка старалась изо всех сил. В какой-то момент переборщила, и хвост, дернувшись, вдарил по пузатому шкафу. Тот затрясся, одна створка распахнулась, и на пол посыпались пузырьки и баночки. До чего же тесные клетушки у этих людей! Локти негде развести – что уж о хвосте говорить?!

От новой волны погрома у миссис Мейлз задергался глаз.

– Что будем делать, милорд? – спросила она Гранта.

Ответ был сродни раскату грома в солнечный день.

– Ломаем дверь!

Легко сказать – трудно сделать! С размаху вдарившись плечом в дверь, Грант тут же прикусил губу, иначе взвыл бы. Однозначно вечером плечо посинеет и своим лиловым цветом затмит любимые матушкины ирисы, которыми прислуга часто украшает столовую в доме в Белой бухте. Эдак и возрадуешься, что вернуться в Бланес получится не раньше, чем через две недели: к тому времени синяк рассосется, и матушка не грохнется в обморок при виде покалеченного сына.

Однако мало было думать о матери – во внимание надо

было принять и миссис Мейлз! Преданная каждому губернатору, которых знала за свою жизнь, экономка чуть не проследовала от ужаса, охватившего её всю. В тот момент Грант отчётливо осознал, что материнскую заботу на Апарских островах миссис Мейлз ему обеспечит. Не исключено, что перестарается, и Грант будет рад вернуться в Белую бухту даже с двумя лиловыми плечами, лишь бы скорее.

— О, боги, милорд! — истошно взвизгнула экономка и, уперев руки в бока, злобно посмотрела на Сюзи и Рейну: — Чего застыли, безмозглые девчонки? Не видите, его светлость чуть не убили?! А ну, взяли и сами навалились на дверь! Вместе! Раз! Два! Три! А вы, милорд, отойдите в сторону. Неровен час, дверь дернется — вы вместе с дверью и упадете. Вы нам, конечно, любой нужны, но лучше здоровый, чем калеченный. Иначе ваш отец и брат с нас три шкуры сдерут!

На секунду стало тяжело дышать. Будто шею сковало застегнутым на все пуговицы воротником или туго завязанным платком. Но нет, и на воротнике верхняя пуговица была по моде расстегнута, и узел был завязан самый обычный, каких Грант вязал сотни, если не тысячи, находишь он хоть в столице, хоть дома, хоть в Вольном заливе, хоть в Нерсесе...

Снова нахлынули волной воспоминания. Воображение нарисовало картину, будто Эмма, чувства к которой до сих пор терзали измученное сердце Гранта, всё ещё равнодушна к нему, дуетса, не может простить предательства, но ждёт, когда же тот, кому однажды посчастливилось назваться её

женихом, хоть как-то проявит себя: завяжет змею в узел, изрешетит из пушек вражеский корабль или, на худой конец, вышибет дверь и докажет любимой женщине, что он тоже что-то может. Сам. Без помощи отца. И уж те более без помощи старшего брата.

Как известно, мечты воодушевляют, и Грант, зачем-то поплевав на руки, отодвинул Сюзи и Рейну в сторону и произнёс:

– Посторонитесь. Я сам.

И сделал это таким тоном, словно каждый день выбивал по дюжине дверей, не моргнув и глазом.

Плечо ныло, но к радости Гранта дверь начала поддаваться. Прежний губернатор не озаботился необходимостью сменить старую, хлипкую на более плотную, прочную, и уж тем более не проверял засов, который с годами сильно прохудился. Расшатаешь дверь – расшатается и засов. Поддастся, отползет назад – дверь и откроется, и даже с петель не придется снимать.

Удар. Ещё один. Терпение миссис Мейлз лопнуло, и она велела позвать на помощь садовника, а заодно и командира гарнизона, ожидавшего на улице.

Для решающего рывка сил было подтянуто много, но Гранта это только раззадорило. Поэтому, не дожидаясь, когда садовник и командующий поднимутся по лестнице, он отошёл от двери подальше, чтобы с разбега в неё врезаться. В ожидании предстоящего столкновения миссис Мейлз за-

крыла глаза, а Сюзи и Рейна – уши.

Однако в ту самую секунду, когда юному и красивому телу губернатора, пусть и спрятанному под одеждой лучшего покроя, предстояло врезаться в глухую деревяшку, засов отодвинули, и дверь распахнулась. Перескочив порог, Грант влетел в умывальню, в которой царил настоящий погром, и чуть не сбил с ног пахнущую водой и мылом гостью.

Она стояла в дверях, завернутая в полотенце, одной рукой придерживая его на груди. Её ноги – самые ступни – почему-то тоже каждая были обернуты. Сделано это было на манер обуви, и причина была Гранту непонятна, впрочем, он и не думал о ней, как и не думал о почти выломанной двери, разбитых склянках и перевернутых кадках... Всё, что занимало его мысли, была Дениз, а точнее её волосы. Ярко-рыжие, они вольно рассыпались по оголенным плечам девушки и полыхали огнём на фоне её бледной кожи. То была настоящая аристократическая белизна, какой не может знать простолюдинка, будь она хоть жительницей города, хоть дочерью рыбака. А длинные волосы были тому лишним доказательством: блестящие, шелковистые, они игриво вились и при каждом повороте головы вспыхивали искорками, напоминая костер, в который только что подкинули очень сухих дров. Ровно такие же волосы и такая же кожа были у его Эммы! У его ли?..

– Я успела! – выдохнула Дениз. – Я ведь могу поехать с вами на реку, да?

И голос был её, Эммы, и даже, наверно, взгляд, хоть Грант и не решился заглянуть в глаза девушке. Вместо этого мотнул головой, желая избавиться от мучительного виденья. В сердце больно кольнуло. Грант скрючился.

– Что с вами?

Дениз протянула руки к Хиггинсу. Выпущенное из пальцев полотенце рухнуло на пол к её ногам.

Грант сделал глубокий вдох и прохрипел:

– Прикройся.

А затем, кое-как развернувшись, вышел из умывальни.

Сюзи и Рейна влетели в комнату и спешно приложили к обнаженной девушке платье. А миссис Мейлз, церемонно поджав губы, окинула недовольным взглядом то, во что превратилось некогда самое красивое во всем губернаторском особняке помещение.

В платье и башмаки Дениз облачилась быстро. Но вот спуститься быстро не получилось: ноги не привыкли к обуви, и каждый шаг неминуемо повлек бы за собой падение, не держись Дениз за перила. Ещё и платье вечно путалось под ногами, и его край так и норовил попасть под каблук. Когда же, наконец, удалось доковылять до выхода, у которого ждал экипаж, девушка была остановлена миссис Мейлз. Та протянула гостье аляповатую шляпку.

– Наденьте да поживее, – проронила экономка.

– Я?

– Вы, милочка. И не спорьте. Губернатор просил, чтобы

вы собрали волосы и спрятали их под этой шляпкой.

– Но... – Как объяснить, что она даже не знает, что это такое? – А это обязательно?

– Обязательно, – промолвила экономка и добавила уже от себя: – Наш хозяин не выносит рыжих. Видели, как ему сегодня поплохело? Так что не испытывайте его терпение. На-девайте.

И уже сама нахлобучила шляпку на голову Дениз.

Когда шум колес и топот копыт стих, миссис Мейлз довольно выдохнула. Её глаза победоносно блестели. Маленькая месть за хаос в умывальне удалась. Теперь эта взбалмошная девица будет чувствовать себя неуютно рядом с хозяином, хотя, может, его светлость и правда недолюбливал тех, кого, как считается, поцеловало солнце...

Медленно поднявшись наверх, миссис Мейлз отдала несколько распоряжений Сюзи и Рейне. Те оттирали пол от разлитых кремов и мазей. Когда экономка, с грустью оценив масштаб потерь, ушла на кухню, то Сюзи, с охами разогнув спину, внезапно прищурилась и вгляделась в одно из полотенец, валявшихся у ножки шкафа.

– Что там? – спросила Рейна, покосившись.

– Что-то блестит.

– Может, хозяин обронил запонку?

Сюзи пожала плечами и шагнула к шкафу. Присела на корточки и подцепила ногтем находку. То была плотная, блестящая чешуйка, очень крупная, и в свете солнца она пере-

ливалась всеми цветами радуги, но особенно выделялся голубовато-зеленый оттенок.

– Откуда она? – недоуменно спросила Рейна.

– Может, попала сюда из кухни? Я слышала, одним из блюд на обед была рыба в горшочке.

– Тогда не будем говорить миссис Мейлз. Повар – хороший человек.

– Не будем, – согласилась Сюзи и выбросила чешуйку в мусорку.

*Миксина – животное из класса круглоротых. Вдоль её червеобразной формы тела расположены отверстия слизеотделительных желез. Благодаря железам миксина способна выделять такое огромное количество слизи, что хищники элементарно давятся ею. К примеру, если особь посадить в большое ведро с водой или аквариум, то она за короткое время воду превратит в слизь.

Глава 5. Лодка качается – раз

Правый берег Ленивой реки так густо порос высоким камышом, что, ступив в его заросли, невольно кажется, что попал в непролазный лесок. Маленькие дети непременно бы в нём заблудились, а взрослые люди как минимум растерялись. Последнее, возможно, и послужило причиной тому, почему Грант взял Дениз за руку, стоило обоим шагнуть в гущу тянувшейся к небу травы.

Шли медленно. Дениз то и дело спотыкалась, а ещё теребила завязки под подбородком. Всё то, во что она была одета, сковывало в движениях и доставляло жуткое неудобство. Ровно так же Дениз чувствовала себя в неводе рыбака, когда по несчастливой случайности угодила в сети. Из-за проклятой одежды и обуви не получилось и сбежать, как планировала, когда экипаж остановился у реки, и девушке помогли из него выйти. Оставалось улучшить момент, чтобы отделаться хотя бы от башмаков, но и тот подгадать было трудно: и Грант, и командир гарнизона постоянно мельтешили рядом, а затем к ним присоединились ещё люди. Даже усач, который утром толкался в сарае, где нашли Дениз, и тот прибежал. Получив сообщение от командующего, он мигом прискакал на реку и уже час как находился на ней, поджидая губернатора. Увидев девушку, странно покосился в её сторону и, об-

дав Хиггинса чесноком, шепнул юноше в самое ухо:

– А барышню зачем с собой взяли?

Грант поморщился от неприятного запаха.

– Она сама захотела. Предположила, что может что-то вспомнить, окажись на месте.

– Ну, коль так... Пущай вспоминает. Но только к самому краю берега её не подпускайте! Мы тело нашего гаденыша там бросили. Оно хоть и прикрыто тряпкой, но вид всё равно так себе... Не для нежных созданий зрелище.

– А мне позвольте взглянуть?

– Вам-то? Да как же я смею вам и не позволить? Извольте в эту сторону!

Капитан Редрут вытянул вперед руку.

– Через камыши?

– Другой дороги нет.

– Тогда придётся и Дениз с собой вести. Не оставлю же я её здесь одну.

– Берите. Главное, пусть от покойничка подальше держится. А то увидит, ужаснется и – в слёзы! А я жуть как не люблю бабьи слезы!

В лабиринте из камышовой травы тоже не получилось дать дёру. Грант Хиггинс держал Дениз за руку крепко, а когда вышли к самой воде, то и тут было не разбежаться: путь от травы с реке преграждали не только огромные камни и лодка, вытасченная на бережок, но и тело мёртвого рыбака, в районе головы укрытое чьей-то рубахой. Оно казалось та-

ким огромным и страшным, что Дениз невольно вздрогнула. Грант это почувствовал и, к несчастью Дениз, попросил трёх офицеров из гарнизона отвести девушку подальше и беречь как зеницу ока.

Длинной палкой капитан Редрут приподнял край тряпки. От увиденного Гранта передёрнуло.

– Отвратительно, – выдавил он и отвернулся. Пожалуй, повезло, что отобедать не получилось. Иначе сейчас Грант предстал бы перед всеми в крайне неприглядном виде. – Интересно, чьих рук это дело?

Капитан Редрут задумчиво посмотрел на небо. То начало затягиваться хмурыми тучами.

– Мерзавцу оторвали голову. Кто бы это ни сотворил, он обладает недюжинной силой!

– Подобная смерть первая на островах?

– Первая, да не первая, – загадочно ответил капитан.

– Поясните.

– Помните, как погибли губернатор и наши офицеры?

– Им вырвали из груди сердце. И что? Здесь-то мужик не сердца лишился. Ему голову оторвали.

Тобиас поднял вверх указательный палец. Так много лет назад делал гувернер Гранта, когда юный отпрыск Александра Хиггинса давал неожиданно правильный ответ на заковыристый вопрос учителя.

– Именно! Ключевое слово здесь – «оторвали». Там вырвали – тут оторвали. Там сердце – тут голову. В обоих слу-

чаях нужна звериная сила. Не находите?

В словах капитана был смысл. Однако было ещё кое-что, что Грант хотел уточнить.

– Всех погибших моряков нашли на берегу моря – не реки.

– Хм, выходит, и на реке небезопасно. По крайней мере, я бы пока остерегся ходить по ней одному. Тем более в том месте, где нашли тело.

– А разве его нашли не здесь?

– Что вы, ваша светлость! Не здесь, а вон у того островка! – Капитан ткнул пальцем в середину водной глади. – Это уже потом его в лодке сюда перевезли.

– А сам островок осмотрели? Нет там ничего подозрительного?

– Парни не догадались. Перепугались до дрожи и сразу побежали к вам. Ну, а я, как сюда прибыл, без ваших указаний действовать не решился.

– Надо бы на остров сплавать. Вдруг тот, кто творит эти зверства, ещё там.

Капитан воодушевился.

– А давайте прямо сейчас и сплаваем! Лодка есть, весла тоже! Что нам стоит в пару взмахов оказаться на середине реки?

Чувство тошноты снова подступило к горлу: Грант и забыл, что этим утром не принял лекарство. Ещё бы! Он не собирался выходить в море ни в этот день, ни в другой, но

вот про реку не подумал.

– Я с вами! – Голос Дениз, раздавшийся прямо за спиной, напомнил Гранту журчание ручейка. – Ведь можно, да? Мне же нужно вспомнить, кто я такая!

Ни губернатор, ни капитан Редрут не заметили, как, заболтав солдат гарнизона, рыжая девчушка медленно, шажок за шагом, приподнимая полы платья и стараясь не свалиться в камыш, приблизилась к реке. Бросив взгляд на мертвеца, не испытала ни ужаса, ни отвращения, ни страха, ни любопытства, но с тоской и надеждой посмотрела вначале на воду, а затем – на лодку.

Тобиас Редрут кашлянул в кулак.

– Удивительная девица, не находите? – понизил он голос до шепота, когда внимание Дениз привлёк один из стражников, внезапно вознамерившийся продемонстрировать девушке свою силу, заключавшуюся в умении поднимать тяжеленное весло одной рукой.

– Почему же? – поинтересовался Грант.

– Не дрожит при виде покойничка, просится с мужиками в лодку... Моя племянница бы даже на реку не сунулась, а при виде тела без башки сразу б завизжала.

– Все женщины разные, – вздохнул Хиггинс, вспомнив, как ловко его Эмма перепрыгивала через канаты и бегала с палубы на палубу на корабле брата. – А эта к тому же память потеряла. Может чудить. Но надо отдать ей должное, она держится молодцом и старается вернуть воспоминания.

– Думаете, в лодке она их сыщёт?

– Не попробовав, не узнаем.

– Ваша правда. Тогда вот что: едем на островок, прочешем его, а если никакого зверя в тех кустах не прячется, то вернёмся и уже тогда девицу по реке покатаем. Может, и правда память к ней...

Капитан не договорил. Изменившись в лице, замахал руками и заорал во весь голос:

– Эй, вы, оболтусы! Куда смотрите? Девушка чуть не свалилась из-за вас в воду!

Грант повернул голову.

Дениз и правда стояла у самой воды. Если бы не ловкость одного из пареньков, который вовремя схватил девушку за руку, точно в ту воду угодила бы.

– Балбесы! – продолжал ругаться капитан, рванув к девушке. – Здесь берег крутой, и дно болотистое. Один шаг – сразу уйдёшь в ил по пояс. Нашли место, где трюкачеством заниматься! Вам бы в цирке плясать, а не губернатору служить!

Отчитав солдат, осторожно взял Дениз под локоть и отвёл подальше к камышам.

– Этим дуралеям только столб можно доверить, – проворчал он в никуда, но как бы ненароком обращаясь к Хиггину. – Выбирая между возможной опасностью на островке и тупицами-солдатами, я бы выбрал островок.

– К чему вы клоните?

– Надо девицу взять с собой, иначе эти изверги её тут без нас утопят. Согласны, милорд?

Грант недоуменно моргнул. Почему-то ему с трудом верилось в то, что решение капитана было связано с банальной заботой о беспомощной девушке.

Тобиас перехватил взгляд губернатора и понял его правильно. Как только выдалась возможность, вполголоса пояснил:

– Я подумал, что ежели девица из порядочной семьи, то мне может, наконец, повезти с женитьбой.

– Вам приглянулась эта девушка?

– Не сказать чтобы очень... но не вечно же мне в бобылях ходить и заботиться о племяннице! Пора обзавестись своими короедами.

– И вы уверены, что Дениз за вас пойдет?

– А куда ей деваться? Я всё же её от того мерзавца спас!
– Капитан смутился и тут же поправил себя: – Не я один, конечно, вы тоже там были. Но вам-то зачем эта рыжая? Вам нужен кто-то вашего статуса. Кто-то чуть ли не королевской крови.

– Давайте лучше сядем в лодку! – перебил Тобиаса Грант. Любые разговоры о рыжеволосых девушках утомляли его сильнее морской качки.

Капитан обрадовался.

– Давайте! Только вы на носу садитесь, а Дениз – с другого края. А я с вашего позволения посередине буду.

– Хотите быть ближе к девушке?

– Хочу, чтобы она узнала меня не только как смелого и сильного защитника, но и как приятного собеседника.

– Хорошо, – выдохнул Грант. Подумав, что его цель сплава по реке сильно отличается от цели капитана Редрута, добавил, покосившись на пистолет: – Только курок держите на взводе. Не на свидание всё же отправляемся.

– Да-да, – поддакнул капитан, проверяя на поясе оружие. – Вдруг на острове обитают змеи, и мне посчастливится подстрелить одну и спасти нашу даму.

Грант чуть не поперхнулся слюной.

– О защите жизни вашего губернатора вы, капитан Редрут, конечно же, тоже подумали, – съязвил он.

Тобиас побледнел, сообразив, какую ересь ляпнул, и принялся выкручиваться:

– Вашу безопасность я буду обеспечивать в первую очередь, милорд! Но вы и сами не промах! Вы же сын такого великого человека как Александр Хиггинс! Надерете всем гадам задницу быстрее, чем ваша охрана сообразить схватиться за пики!

Грант хмыкнул. Хотелось бы, чтобы это хоть отчасти походило на правду... Хотя бы во сне, что ли.

Капитан тем временем продолжал мечтать:

– Но если на реке мне посчастливится спасти Дениз, то она будет просто обязана стать моей женой!

– А если посчастливится спасти меня?

– А если вас, то обещайте, что на следующей неделе отужинаете с моей племянницей!

И Тобиас Редрут загадочно улыбнулся.

Однако всё вышло не так, как планировал капитан: на носу лодки сел он сам, а на другом её конце – командир гарнизона, чей отряд обнаружил мертвеца. Оба взяли в руки весла, а Гранту и Дениз достались места посередине, и до того, как лодка качнулась и отплыла, Грант успел про себя отметить, что девушка сильно осторожничала, перешагивая с земли и камней на пропахшие рыбой доски. Боялась замочить башмаки или подол платья? Причину не посчастливилось толком обдумать, так как трое здоровяков из гарнизона уперлись в край лодки ручищами, навалились и столкнули посудину в реку. Капитан и командующий налегли на вёсла, а Грант, вмиг побледнев, схватился руками за край скамейки, но вышло так, что одна рука вцепилась в деревяшку, другая – в ладошку Дениз. Соприкосновение вышло отрезвляюще холодным!

Девушка тут же убрала руку.

Лицо Гранта покрылось испариной. Облизнув губы, он чуть качнулся в сторону Дениз и, спотыкаясь на каждом слове, пробормотал:

– Вы не могли бы... Хотя нет. Не берите в голову. Моя просьба бестактна.

Однако его слова сделали своё дело: привлекли внимание, и любовавшаяся рассекаемой вёслами водной гладью девуш-

ка недоуменно посмотрела на губернатора. Грант решился:

– Вы не могли бы приложить руку к моей щеке? Я весь горю, а ваши пальцы... Они такие прохладные!

Просьба, услышав которую добрая половина благородных девиц в Бланесе немедленно вlepила бы Хиггинсу пощечину, не смутила Дениз. Девушка не испытала ни капли неловкости, впрочем, двумя часами ранее она и полотенцу позволила упасть к её ногам, и при этом не покраснела. Вскинув руку, Дениз коснулась лица Гранта.

– Лучше?

Её голос не дрожал от стеснения и звучал так, словно подобные действия давно вошли в привычку. Таким голосом сестра разговаривает с братом, при прикосновении к которому испытывает полное равнодушие без единого намёка на трепет, свойственный юным, неискушенным в любви девицам, которым случайно или специально посчастливилось дотронуться до малознакомого мужчины, молодого, неженатого, симпатичного и состоятельного.

– Полегчало. – Грант выдохнул и закрыл глаза.

На губернатора покосился капитан Редрут. Сделал он это не только с удивлением, но и с легким недопониманием. С одной стороны, ему было непонятно поведение градоначальника, ведь несколькими минутами ранее капитан излил перед ним душу. С другой стороны, Тобиас был в курсе недуга младшего сына Александра Хиггинса, однако, когда речь шла о плавании в любого рода водах и на любого размера

судах, капитан напрочь забывал об индивидуальных особенностях своих собеседников и пускался в приключение очертя голову.

– Свежей водичкой в лицо попрыскать не мешало было, – пробубнил Тобиас, не сводя взгляда с ладошки Дениз.

– Не поможет, – простонал Грант, а Дениз тоном до крайности наивного и нечего непонимающего человека неожиданно спросила в лоб:

– А чего вы так скривились-то?

Вопрос был задан громко, и капитан Редрут хмыкнул себе в усы.

– У меня... – Грант замешкался: он впервые говорил о своём заболевании с кем-либо, кто не был членом его семьи.
– У меня морская болезнь.

Дениз озадаченно потерла лоб.

– Так мы ведь не в море, – выдала она, а Тобиас Редрут еле сдержал смех.

Чувствуя Грант себя лучше, обязательно одарил бы капитана недовольным взглядом, но в ту минуту сил хватило лишь на разъяснение:

– Не в море да, но вокруг тоже вода... А я не принял лекарство.

– Лучшее лекарство – пригоршня свежих брызг в лицо, – продолжал настаивать капитан. – Я б набрал для вас водички, да сию неудобно.

– Я наберу! – выпалила Дениз и подвинулась к борту. Сде-

лала это так резко и стремительно, что Гранту вдруг показалось: ещё немного – девчонка кувыркнется в воду.

– Осторожней! – выкрикнул Хиггинс.

Совершенно не соображая, как надо вести себя на реке, рванул за девушкой и схватил её за плечо. Где плечо – там и шея, где шея – там и затянутый под подбородком бант. Пальцы зацепили одну из атласных ленточек и дернули на себя. Бант развязался, узел разболтался, шляпка сползла с головы на спину, а затем подхваченная кружащим на реке ветерком взмыла в небо и опустилась на воду. Поплыла, подобно оторвавшейся от стаи кувшинке, и вскоре исчезла из виду.

Рыжие волосы беспорядочно рассыпались по плечам, и у Гранта сдавило в груди. Это пламя было не потушить – оставалось лишь обжигаться об него всякий раз, когда оно было близко, но в лицо Хиггинсу прилетела порция приводящих в чувство брызг, и он, фыркнув, помотал головой, часто заморгал, а затем вытянул вперед руки.

– Больше не надо! – выпалил он, заметив, что Дениз зачерпнула ещё воды.

– Точно? – почему-то веселилась девушка.

– Точно, – выдохнул Грант, с тревогой наблюдая, как Дениз снова прильнула к краю лодки.

– Как можно бояться воды? – прожурчала девушка, свесившись через борт.

Её вытянутая рука ловила на себе холодные капли, а на сильной волне опускалась под воду по запястье, но Дениз по-

лучала от этой забавы только удовольствие. Ей ни капельки не было страшно, даже когда вода приподнялась так, что лизнула руку по локоть.

– Вы можете упасть, – забеспокоился Грант. – Придвиньтесь ко мне. Так будет спокойнее.

– Кому спокойнее?

– Всем. Взять вас с собой было глупой затеей. Зря я дал согласие.

– А мне всё нравится, – промурлыкала девушка.

– И даже эта ужасная качка?

– Ничто не может с ней сравниться! А вот вам и правда лучше сесть подальше от края. Вы крепко держитесь?

– Что?

– Как только мы отплыли, вы вцепились всеми пальцами в эту скамью, а сейчас отпустили. Зря. Лучше уберите руку с моего плеча и позаботьтесь о себе.

– Не я сижу у самого края, а вы. И не я рискую свалиться в воду. А вот вы вполне можете скоро там оказаться.

Дениз повернула голову, и её глаза озорно блеснули. Её следующие слова окончательно поставили Гранта в тупик:

– Если вдруг так случится, обещайте, что не броситесь меня спасать.

Грант наморщил лоб и точно задал бы тот самый вопрос, ответ на который, возможно, всё бы прояснил, как вдруг дно лодки затрещало. Капитан Редрут охнул и сложил весла.

– На мель напоролись, что ли? – Глянул вниз и нахмурил-

ся. — Да нет. Идём полным ходом. Тогда что же это было?

Капитан посмотрел на командира гарнизона, который в ответ пожал плечами.

Новый треск от сильнейшего удара — лодка закачалась. Не обхвати Грант скамью — точно отлетел бы к борту.

Капитан Редрут потемнел лицом.

— Что за чертовщина?!

Что-то громко булькнуло поблизости, и вода рядом с лодкой зашлась странными кругами. Очередной удар оказался такой мощи, что вздрогнули все, кроме почему-то Дениз.

— Может, рыба? — выкрикнул командующий.

Капитан вытер пот с лица и схватился за весла.

— Огромная должна быть рыба... Надо подналечь. До острова осталось всего ничего.

Но капитану не удалось сделать и одного полного взмаха: лодка заволновалась и одним бортом почти легла на воду. Восстановилась бы, но её в очередной раз накрыло таким ударом, что одна из досок вспучилась прямо перед носом Гранта. Лодка не выдержала и... перевернулась.

Вода была везде: под ногами, с боков, над головой... Заполонила собой всё, запутала, посеяла страх и забрала последнюю возможность дышать. Беспорядочно барахтаясь в ней и не соображая, в какой стороне та спасительная поверхность, к которой нужно из последних сил плыть, чтобы выжить, Грант с каждым новым биением сердца слабел всё больше и больше. Вначале его охватила паника. Затем к ней прибави-

лось отчаяние. Им на смену пришло бессилие, и его место вскоре заняло полное отрешение. Закрыв глаза, Грант медленно погружался на дно реки, уже ничего не предпринимая. Наверно, он даже не почувствовал, как, стоило его спине соприкоснуться с речным песком, его тело вдруг обхватили сильными руками и в несколько мощных рывков вытолкнули на поверхность. А дальше был глоток свежего воздуха, и после него снова одна сплошная темнота...

Глава 6. Три сестры

Ровно один месяц в году Ленивая река не оправдывала своего названия. Происходило это в период штормов на море, ураганов и проливных дождей. Уровень воды в реке поднимался так, что обычно неглубокая, она бурлила и клококала, едва помещаясь в своём русле. Перебраться на другой берег было той ещё задачкой. Приходилось искать лодочников, готовых за медяк-другой махнуть веслом и перебросить нетерпеливого путника из одной части острова на другую. Другого способа пересечь реку не существовало: каменных мостов на реке не возвели, а деревянные вода с лёгкостью накрыла с головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.